

Алексей Пехов
Елена Бычкова
Наталья Турчанинова

Кодун из клана Смерти

Ночная столица

Киндрэт

Алексей Пехов

Колдун из клана Смерти

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2007

Пехов А. Ю.

Колдун из клана Смерти / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
«Автор», 2007 — (Киндрэт)

ISBN 978-5-93556-990-7

Зима в Столице обещает быть суровой, и, похоже, не все кровные братья переживут ее. Огромный, скованный стужей город в страхе застыл, ожидая скорых перемен, которые изменят всех навсегда. Спавшие тысячелетиями мрачные тайны разбужены и опутывают мегаполис незримой паутиной опасности. Любой, кто коснется смертоносных нитей, рискует не увидеть следующей ночи. Но мастера Смерти идут по своему непростому пути, невзирая на потери.

© Пехов А. Ю., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

ISBN 978-5-93556-990-7

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья Турчанинова Колдун из клана Смерти

Глава 1 Вивиан «никто»

Знать своих друзей – это чрезвычайно опасная вещь.¹

1 декабря

Дарэл Даханавар

Капала вода. Монотонно. Размеренно. Казалось, капли срываются с большой высоты и бьются о твердую поверхность. Один удар в секунду.

Я лежу на спине, на холодном полу... Нет, не я. Вивиан. Его воспоминания начинаются отсюда. До этого мгновения в памяти лишь белый, клубящийся туман. Больше ничего.

– Кристоф! Я его не чувствую. Никаких воспоминаний.

– Совсем никаких? – голос кадаверциана прозвучал глухо. Устало.

– Кусок жизни будто вырезан. Туман.

Все начиналось со звука капающей воды, то едва слышного, то усиливающегося до оглушающего грохота.

– Сделай, что можешь. Прочитай то, что можешь.

Что я могу...

Я лучший... единственный сканэр клана Даханавар умею читать мысли, чувства, воспоминания, пробивать ментальный щит любой сложности, передавать другим свои и чужие знания. Но удастся ли мне считать все ощущения, образы, ассоциации – все, что возникало в душе, мыслях и памяти погибающего ученика Кристофа? Увенчается ли успехом попытка сохранить, «переписать» его душу, чтобы вложить ее в другое тело?..

Вивиан умирал медленно и очень мучительно. «Могильная гниль» разъедала его плоть. Оружие Лудэра против кадаверциан, единственная зараза, от которой мастера Смерти не смогли придумать противоядие, действовало безотказно. Более шестисот лет оно считалось потерянным и вот, так некстати, «нашлось».

Безумная идея – перенести сущность Вивиана в другое тело. Не знаю, проводил ли кто-нибудь раньше подобные эксперименты. И что происходило с опытными образцами...

– Дарэл, ты видишь хоть что-нибудь? – негромко спросил Кристоф.

Я сосредоточился, закрыл глаза и снова погрузился в чужую память. В прошлое.

...Горло болело так сильно, что едва можно было дышать. Голова просто раскалывалась. Гортань пересохла, словно начищенная горячим песком, а во рту явственно ощущался мерзкий, горько-соленый привкус.

¹ Оскар Уайльд. Замечательная ракета.

Вивиан очнулся.

Попытавшись пошевелиться, понял, что лежит на холодной твердой поверхности, рука почувствовала камень и нашарила какое-то мокрое тряпье. С отвращением он отдернул ладонь и вытер ее о штаны. Те тоже были мокрыми. Зрение вдруг обрело небывалую остроту – он увидел серый бетон неровного пола, острый выступ кирпичной кладки. С труб, привинченных к стене, капала вода. В углу, среди развалившихся гнилых коробок, копошились крысы.

«...Как я оказался здесь? Почему так болит голова?..»

Все прежние воспоминания отрезало начисто. Вивиан поднял руку, чтобы посмотреть на часы, и увидел свои ладони, испачканные липким и красным:

«Кровь?..»

Кровь была на шее и подсыхала на рубашке.

«Что со мной?! Что случилось?.. Хотели ограбить?»

Он судорожно ощупал карманы. Нет, бумажник на месте, в нем несколько купюр, мелочь, ключи... И часы не сняли. Те исправно показывали десять минут второго.

Дня или ночи?

Вивиан понял, что не знает, какое сегодня число, месяц и даже год.

«Нужно выбираться отсюда!»

Он поднялся, но пол тут же качнулся, едва не поменявшись местами с потолком и, чтобы удержаться на ногах, пришлось ухватиться руками за стену. Отвратительная слабость вязко заколыхалась в груди, во рту усилился мерзкий привкус, и Вивиан почувствовал, что очень хочет есть. Нет – умирает от голода! Но мысль о жареном мясе и пиве вызвала отвращение.

Желудок скрутила еще одна судорога боли и голода. Во время нее, едва понимая, что делает, он шагнул к гнилым коробкам, где пищали крысы. Маленькие живые комочки, в которых быстро бьется сердце и бежит теплая сладкая кровь.

Схватить! И вонзить зубы!

Он с отвращением отшвырнул извивающуюся в руке крысу.

«Все очень просто. Я сошел с ума. Или... попробовал наркотики, и у меня галлюцинация?»

Боль усилилась, ее стало невозможно терпеть. Вивиан упал на колени, и в красном тумане, застилающем глаза, вдруг увидел людей, равнодушно и элегантно перешагивающих через черные лужи, лениво ползущие из-под труб. Парень и девушка. Красивая... Очень красивая. И это, почему-то, потрясло его сильнее всего.

– Ба! Кого я вижу! – радостно завопил спутник красавицы. – А вот и наш герой! Какое отвратительное место ты выбрал для отдыха.

– Кто?.. Кто вы? – с трудом выговорил Вивиан и не узнал своего голоса.

Девушка улыбнулась, поигрывая кулоном на длинной цепочке.

– Вопрос не в том, кто мы. А кто ты, – сказала она бархатным, мурлыкающим голосом. – Хотя можем и представиться. Это Виктор. Я – Идалия. Фэриартос, как ты уже мог заметить.

– Помогите...

– Конечно, мы тебе поможем... – Виктор наклонился и молниеносным движением схватил крадущегося вдоль стены серого зверька. – Смотри, вот то, что тебе сейчас нужно. Сочная, жирная крыса. Лови!

Вивиан дернулся, грызун с писком пролетел мимо, шлепнулся на пол и умчался в темноту. Боль во всем теле вдруг притупилась, но накатил приступ такой злости, что в ней можно было задохнуться. Никогда прежде он не испытывал такого яростного желания убить человека – ему захотелось броситься на шутника и вцепиться в незащищенную глотку.

– Осторожно, Виктор! – воскликнула девушка скорее с удивлением, чем с испугом, и прыжок осмеянного не достиг цели. Ударом ноги фэриартос отшвырнул его назад, на пол.

– Смотри, щенок умеет огрызаться, – добродушно усмехнулся он. – Ладно, хватит дурачиться. Нужно забрать его отсюда.

И тут Вивиан заметил...

Что-то было не так с их лицами. С зубами. Между приоткрывшихся губ мелькнули блестящие острые клыки.

– Кто вы?!

– Хватит болтать. – Виктор подошел ближе и рывком поставил ничего не понимающего парня на ноги. – Я не собираюсь валандаться со школяром всю ночь.

На улице оказалось прохладно. Подняв голову, Вивиан снова поразился остроте своего зрения. Черная ночь перестала быть черной. Ее густые тени растворились в жемчужном сиянии, люющем с невероятного, нереального неба – темно-синего, подсвеченного по краям оранжевыми огнями. В их свете вся улица казалась разноцветной... На мгновение он забыл о боли, увидев фиолетовые и лиловые дома, цветы шиповника алеи пятнами на темной зелени куста за серой решеткой парка. Из густой кобальтовой тени выступили гранитные тела купидонов, резвящихся на фронте старого дома. На перилах одного из балконов, умываясь, сидела бордовая кошка. Встретившись с человеком взглядом, она выгнула спину дугой, зашипела и прыгнула в комнату.

Мир стал многоцветным, раскрашенным мягкими приглушенными красками, стоило только пристальнее взглянуть в него.

– Что это?

– Сумеречное зрение. – Виктор оглянулся, сказал что-то девушке на незнакомом языке. Та равнодушно усмехнулась.

Мысли Вивиана мучительно метались в стремлении объяснить ситуацию и найти выход. Он сделал еще одну неудачную попытку завести разговор:

– Виктор, кто вы? Куда меня ведете?

– Узнаешь, – отозвался тот мрачно.

Сознание снова стало меркнуть. Свет от фонарей поплыл перед глазами, вытягиваясь в длинные, колышущиеся в такт шагам гирлянды. Звезды танцевали на небе и рассыпались брызгами. Каждый удар сердца грохотом отдавался в ушах. Боль ушла, но вместо нее тело наполнила отупляющая слабость.

Виктор хлопнул его по плечу:

– Держись, почти пришли...

Деревья раздвинулись. Спутники оказались у роскошного особняка. Стройные колонны поддерживали легкий фронтон крыши. Во многих окнах горел свет. Откуда-то издалека доносились звуки виолончели.

Все эти детали Вивиан замечал отстраненно, будто часть его сознания, свободная от боли, могла спокойно фиксировать окружающее.

Идалия поднялась на крыльцо, открыла дверь, и в тоже мгновение Вивиану в лицо ударил желтый свет. Парковая дорожка под ногами вздрогнула, качнулась... Но легкий тычок в спину вернул его к действительности.

Изнутри особняк был похож на музей.

Много статуй. Картины на стенах. Золотые драпировки. Старинные гобелены. Антикварная мебель. Мрамор и лепные украшения на потолке...

Только выглядел этот «музей» странно, словно архитектор, создавший его, имел довольно приблизительное представление о законах гармонии. Комнаты, по которым вели Вивиана, были круглыми, треугольными, длинными, как пеналы, ромбовидными или просто... перекошенными. Другого слова он не мог подобрать, как ни старался.

У одних своды казались низкими. Потолкам следующих мог позавидовать любой готический собор. Стены третьих просто терялись из виду.

Но самое дикое впечатление произвел на Вивиана вид из окон. Через прозрачные стекла струился яркий солнечный свет. Он лежал на мраморном полу длинными прямоугольниками. Идалия, идущая впереди, аккуратно обходила их. А ведь еще мгновение назад на улице была глубокая ночь...

Лестницы тоже вызвали недоумение. Некоторые из них выглядели обычно, но никуда не вели. Просто упирались верхними ступенями в потолок. Другие – выступали из кирпичной кладки и служили частью сложных для понимания барельефов.

Вивиан потерял надежду понять, что происходит в этом доме, когда в одном из оконных проемов увидел ночное небо, на фоне которого покачивались голые ветви березы, покрытые инеем. На мгновение все вокруг показалось ему сном.

Идалия уверенно направилась по коридору, застеленному алой ковровой дорожкой, остановилась у высокой двухстворчатой двери, и Виктор, распахнув ее, легким толчком заставил подневольного гостя сделать несколько шагов вперед.

В просторной комнате, залитой теплым сиянием сотен свечей, тоже была позолота, gobелены и картины. У стола, в кресле с высокой спинкой, сидел мужчина. Породистое лицо его выглядело равнодушным, но глаза смотрели настороженно и внимательно. Одежда незнакомца показалась Вивиану странной. Черная бархатная куртка, рубашка с широкими рукавами, кружевное жабо. Рядом, на столешнице лежала шляпа с белым пером.

Мужчина смерил Вивиана взглядом, и тот понял, что цепенеет под пристальным вниманием черных глаз.

– Маэстро, мы нашли его полчаса назад, – сказала Идалия. – Там, где вы сказали.

– Как тебя зовут? – произнес тот, выдержав значительную паузу. Голос его был хорошо поставлен. Звучен и в то же время властен.

– Вивиан.

– Сколько тебе лет? Из какого ты клана?

– Я... я не понимаю вас.

– Он ничего не знает, – вмешалась девушка.

Мужчина едва заметно улыбнулся:

– Ничего не знает и не помнит. Молод. Беспомощен. Слаб. Неопытен. Ты хорошо получился... Вивиан.

– Я хочу знать, что со мной происходит. Кто вы такие, что вам от меня надо. Я...

Тяжелый взгляд хозяина как будто обрел физическую силу, душным кольцом сомкнулся на горле и заставил замолчать.

– Ты будешь говорить только после того, как я разрешу тебе.

В груди Вивиана что-то дрогнуло, и он снова почувствовал ту самую безымянную часть души, которая взорвалась горячей яростью после насмешки в подвале. Теперь эта странная сила бурлила в раздражении на собеседника и требовала от своего обладателя каких-то действий.

– Вы не имеете права приказывать мне, – выговорил Вивиан с большим трудом то, что должен был сказать.

Мужчина усмехнулся:

– Он хорошо получился, только слишком дерзок. Идалия, проводи гостя в его комнату.

Девушка сжала в ладони кулончик:

– Фрэнсис, но он... голоден. Посмотри на него. Он очень слаб.

– Проводи его, Идалия, – чуть повысив голос, сказал мужчина, и та послушно подошла. Дотронулась до плеча.

– Пойдем...

В мелодичном голосе совсем не было власти, только мягкая просьба, но сопротивляться ей было невозможно.

Сделав пару десятков шагов по коридору, девушка остановилась рядом с высокой узкой дверью. Еще шаг, и Вивиан оказался в темноте круглого помещения, чуть разбавленной тлеющим светом керосиновой лампы. Створка захлопнулась. Он остался один, и тут же тяжелое бессилье отпустило, а в душе снова вспыхнули голод и злоба, придушенные холодным взглядом владельца особняка и мягкой напевностью голоса Идалии.

– Ведьма! – Вивиан бросился на дверь.

Та даже не шелохнулась под тяжестью тела, и это еще больше разозлило. «Они должны были помочь, – услужливо подсказала темная, свитая тугим витком, спираль новой силы в душе. – Обязаны помочь. Но только посмеялись. Ты вправе мстить...»

И в то же мгновение он понял, чего хочет. Добраться до надменного незнакомца. Вцепиться ему в горло, как той крысе в подвале. «Гость» метнулся к окну, отшвырнув по дороге хрупкий антикварный столик – тот только хрустнул, разлетаясь на части.

Оконный проем был забран толстыми прутьями и закрыт ставнями, но Вивиану даже в голову не пришло, что это может остановить его. Схватившись за решетку, он изо всех сил дернул ее на себя. Металлические прутья закрипели и стали медленно выгибаться, с откосов посыпалась штукатурка. Еще один рывок, и длинные болты с пронзительным скрежетом вылетели из пазов. Решетка осталась в руках. Отбросив ее в угол, Вивиан толкнул раму. И тут же зарычал от разочарования.

Стекло, также как и ставни, оказалось всего лишь муляжом, ловким обманом. Окна не было. Была все та же каменная кладка стены с неглубокой нишей, имитирующей оконный проем.

Он ударил по стеклам с воплем ярости, и те разлетелись под кулаками. Один из осколков глубоко вонзился в ладонь. Резкая боль заставила опомниться. Отшатнувшись от окна, Вивиан тупо уставился на порезанные руки: «Что я делаю?!.. Должно... должно быть какое-то объяснение...»

«Подлость и предательство! – шепнули из глубины души. – Тебя обманули и предали. Сейчас ты зол и голоден! Дай волю гневу, тебе станет легче».

– Меня обманули и предали, – повторил он вслух, называя словами странное чувство, клубящееся в груди. – Обманули!!

Возвращение от страха и недоумения к слепой ярости было очень легким. А непомерно возросшая вдруг сила позволяла крушить все, что попадалось под руку. Разбитая статуя закрипела под ногами каменными крошками. Гобелены, сорванные со стен, упали на пол жалкими обрывками. Мебель разлеталась от одного удара ноги, зеркало брызнуло острыми осколками, которые вспыхнули, поймав отражение огня лампы.

И Вивиан замер.

Остановился, увидев в крошечных кусочках, торчащих в темном овале рамы, свое отражение. Нетвердой рукой отломил один...

Лицо, которое сейчас отражалось в зеркальном куске, не могло быть его лицом. Безумные черные глаза с расширенными зрачками. Серая кожа. Запавшие щеки... и острые длинные клыки, такие же, как у Виктора, у Идалии...

– Да что же это! – он коснулся своего измененного, странного, чужого лица. – Что это такое?! Кто я такой теперь?!..

Обломок выпал из пальцев.

Опустившись на пол, Вивиан закрыл глаза, потом лег, уткнувшись в ворох обрывков. Комната вдруг стала поворачиваться вокруг своей оси, все наращивая темп, и остановить ее вращение было невозможно. Потом каменная поверхность качнулась, Вивиан полетел куда-то

вниз, в темноту, и вместе с ним, сверкая полированными краями, летели зеркальные брызги, в которых многократно отражался его новый, нечеловеческий облик...

Глава 2

Рапаит

Книга жизни начинается с мужчины и женщины в саду... и заканчивается апокалипсисом.²

2 декабря

К четвертому подъезду спорткомплекса вела длинная очередь. Толпа просачивалась внутрь медленно. Людей, стремящихся на концерт кумира молодежи, рок-звезды Гемрана Вэнса, новообращенного Гемрана Фэриартоса – было слишком много.

Солнце село полтора часа назад. Над опрокинутой ребристой чашей стадиона сверкал белый месяц. Сизые тучи налетали на его острый серп, рвались, и неровными клочьями разлетались по фиолетовому небу, просыпая мелкие звездочки редких снежинок. Ледяной ветер подхватывал их и долго носил над площадью, прежде чем уронить на землю.

Комплекс был построен на холме, и огоньки машин, ползущих по шоссе вниз, отсюда казались длинной новогодней гирляндой.

Рядом с Кристофом нетерпеливо переступала острыми каблучками по асфальту Дона. Ее бриллиантовые сережки поблескивали в свете фонарей. Белые волосы серебрились, словно покрытые инеем. Ее никогда не интересовали фэриартос. Ни старшие, ни, тем более, новообращенные, и девушка искренне недоумевала, как позволила уговорить себя пойти на этот концерт.

Она согласилась только из уважения к номинальному главе клана.

– Ты все еще уверен, что это хорошая идея? – прозрачное облачко пара сорвалось с карминных губ и растаяло в темноте.

– Да. Помнится, Дарэл говорил, что Вэнс отличный музыкант.

– Я не о том. – Дона едва заметно поморщилась и вздохнула, нехотя признаваясь в своих сомнениях. – Стоило ли оставлять Даханавара одного?

– Сэм присмотрит за ним.

Кристоф взглянул поверх голов людей, терпеливо переминающихся с ноги на ногу. Похоже, его интересовало лишь одно – предстоящее зрелище. Или колдун делал вид, что больше его ничто не беспокоит.

– Кристоф, – Дона не смогла сдержать иронию, наблюдая за ним. – Если ты не знал, за тем углом есть дверь, на которой написано «VIP». Было бы гораздо быстрее...

– Безусловно, – согласился некромант, – и гораздо скучнее.

Очередь продвинулась еще немного. Стал виден турникет. За ним маячили два охранника. Дона задумчиво посмотрела на мужчину, стоящего впереди, и тот, втянув голову в плечи, поехал, чувствуя на себе горящий взгляд мистрис³.

– Не то чтобы я не доверяю Сэму, но... – собеседница повернула к Кристофу красивое, немного напряженное лицо, – знаешь, в последнее время меня одолевают предчувствия.

Она подумала немного и добавила:

– ...нехорошие предчувствия.

² Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

³ Мистрис – жрица Смерти. Одно из названий женщин-кадаверциан.

Некромант усмехнулся, провел пальцем по ее лбу, словно пытаясь разгладить суровую морщинку.

– Поэтому мы здесь. Тебе надо развеяться.

Дона мельком улыбнулась, но выражение тревоги не ушло с ее лица.

– Крис, я хотела... спросить. – Она помолчала, тщательно подбирая слова. – Понимаю, сейчас не место и не время...

– Не бойся, говори, – отозвался колдун, и она снова не увидела в его зеленых глазах ничего, кроме спокойствия.

– Кому помешал Вивиан? Зачем убивать молодого неопытного ученика? Да, конечно, Вив очень талантлив, – тут же поправилась она, зная, что Кристоф терпеть не может, когда принижают достоинства его воспитанников, – но все же ему еще далеко до мастера.

Она вопросительно взглянула на спутника и произнесла, наконец, вслух то, о чем давно думала:

– Не логичнее ли предположить, что отравка предназначалась тебе? Хотя надо быть глупцом, чтобы надеяться, будто ты попадешь в такую примитивную ловушку.

Кристоф ответил после продолжительной паузы.

– Я знаю только одно. Нас предупредили. Дали понять, что оружие Лудэра по-прежнему существует.

Дона зябко повела плечами, кутаясь в длинное пальто сливочного цвета. Она еще не родилась, когда закончилась последняя битва с Лудэром, но слышала много жутких рассказов о тех временах.

– Оно не появлялось несколько сотен лет. Кто его хранил? Или изготовил?

– Я могу назвать тебе шесть великолепных кандидатур. – Мастер Смерти взял девушку под руку и притянул ближе к себе, чтобы защитить от холодного ветра. Его горячая ладонь грела даже сквозь драп. – Лудэр.

Дона задумчиво кивнула, соглашаясь с этой версией:

– Они мертвы. Но могли остаться их хранилища, которые мы не уничтожили? Или записи...

– Асиман. У них есть великолепные химики.

– Вриколакос?.. – Это предположение казалось Доне маловероятным. Однако забывать о лесных жителях не стоило – оборотни инстинктивно ненавидели некромантов, хотя, насколько она помнила, никогда не пытались навредить.

– Даханавар. – Кристоф мельком взглянул на «готичного» подростка, с надеждой спросившего у него, нет ли случайно лишнего билета. Улыбнулся, с видимым сожалением отрицательно покачал головой и продолжил, когда тот отошел. – Маленькая месть за то, что я взял под защиту их опального сканэра.

– Может быть... Нахтцеррет.

Колдун хотел ответить, но в этот момент из сумочки Доны зазвучали высокие аккорды...

– Извини, Крис. – Она вынула мобильный, подняла серебристую крышечку, взглянула на высветившийся номер и тяжело вздохнула. – Ну вот, опять... Алло...

– Доброй ночи, миледи, – прозвучал хорошо знакомый бархатистый голос.

– Доброй ночи, сеньор де Кобреро.

Кристоф, не сдерживая довольно иронической улыбки, отвернулся, делая вид, что рассматривает плакат-фотографию трех полураздетых девушек, изображающих певиц.

– Вы не заняты сегодня? – деловито осведомился глава клана негоциантов.

– Занята, – ответила Дона вежливо, но безапелляционно. Это был единственный возможный тон в общении с вьесчи. И раньше он всегда действовал безотказно.

– Жаль. Очень жаль, – прозвучало с искренним огорчением. – Я хотел пригласить вас на ужин.

Спутница Кристофа снова вздохнула, на этот раз устало.

– Рамон, вам не надоело получать отказ на каждое свое приглашение?

– Я терпелив. – В голосе Вьесчи слышалась улыбка.

– Похоже, вам доставляет радость досаждать мне. Я полагала, вы предпочитаете общество фэри...

– Я предпочитаю вас.

Дона мельком взглянула на Кристофа, продолжающего разглядывать трио девиц.

– А как же дыхание смерти? Ледяной холод могилы? И, как вы тогда сказали... равнодушные покойника?

– Миледи, я уже просил прощения за свои слова. Неужели вы обижены до сих пор?

– Я не обижаюсь на правду.

– Дона, я...

– Извините, Рамон. Я больше не могу говорить. Всего хорошего.

Она нажала на кнопку, сунула телефон в сумочку и продолжила список врагов:

– Вьесчи.

– Пренебрегаешь вниманием главы клана? – усмехнулся колдун.

– Да. Третий раз за последнюю неделю.

Колдун выразительно приподнял брови, но ничего не сказал.

– Изображает благородного кастильского рыцаря. – Дона с досадой смахнула с рукава несколько снежинок. – То ли хочет что-то выведать, то ли наоборот...

– Да, это он умеет, – задумчиво произнес Кристоф. – Изображать рыцаря...

Они прошли через два поста охраны. Дона с невозмутимым видом позволила осмотреть свою сумочку. Кристоф, явно получающий своеобразное удовольствие от всего происходящего, сжульничал, проходя проверку металлоискателем. «Отвел» глаза стражам порядка, когда прибор пронзительно запищал, засекая нечто металлическое под его курткой.

– Не удержался и прихватил с собой любимую рапиру? – съехидничала девушка.

– Нет, всего лишь намордник для Тёмного Охотника, – с улыбкой отозвался колдун, доставая из внутреннего кармана два билета.

В фойе было шумно. У колонн толпились группы взволнованно-оживленных подростков. Люди постарше неторопливо прогуливались по холлу. В толпе периодически мелькали приличные костюмы. С огромных плакатов на стенах смотрел сам виновник этой суеты: Вэнс, в облачении стилизованном под наряд кельтского воина, стоял вполоборота к зрителям, длинная обесцвеченная прядь волос падала на лукаво прищуренный глаз, обаятельная улыбка племяла сердца.

– Не понимаю, какое удовольствие ты находишь в посещении подобных заведений, – с искренним недоумением произнесла Дона, осматриваясь.

– «Вещь совершенна, когда она отвечает цели, для которой ее создали»,⁴ – с преувеличенно глубокомысленным видом произнес Кристоф.

Вилисса⁵ вздохнула, возводя взгляд к потолку. Колдун никак не мог забыть ее давнего увлечения английскими философами начала восемнадцатого века. И периодически начинал цитировать Биньона, Беркли или Аддисона. Видимо, находя это чрезвычайно забавным.

– Как говорит Дарэл, пребывание среди людей оживляет чувства, – Кристоф посторонился, пропуская девушку, нагруженную пакетами с попкорном. Та окинула кадаверциана оценивающим взглядом из-под густо накрашенных ресниц и расплылась в улыбке.

– Ты очень демократичен, – скептически заметила мистрис, поправляя прическу.

⁴ Слова Джорджа Беркли, епископа Клойна.

⁵ Вилисса – женщина-кадаверциан, специализирующаяся на создании вилахов (зомби).

Зал заполнился быстро, и свет под потолком стал медленно гаснуть.

– Надеюсь, Вэнс будет в состоянии петь, увидев нас здесь. – Повернув голову, Дона рассматривала широкие длинные ряды синих пластиковых кресел. Из партера человеческие лица наверху казались белыми смазанными пятнами. Ровный гул голосов то стихал, то становился громче.

Когда Гемран вышел на сцену, первым делом он быстро скользнул взглядом по аудитории, взревевшей в восторженном крике. Вэнс ощутил присутствие «родственников», и его выразительное лицо слегка напряглось. Потом разглядел в пятом ряду Кристофа, удивленно приподнял бровь, но тут же склонил голову в приветствии. Посмотрел на Дону, прижал руку с микрофоном к груди, улыбнулся. Он вел себя как любезный хозяин, и каждый гость чувствовал его внимание.

За спиной музыканта взвились две струи неоновых огня. Печально и мощно запела волейка. Пульс барабанов совпал с биением пульса всех сидящих в зале. Низкий, хрипловатый голос, многократно усиленный динамиками, ударил по толпе, и Дона почувствовала, как через ее тело прошла волна восторга.

Это была настоящая магия фэриартос. Единственная в своем роде, неповторимая, волшебная. Изменчивая и неизменно постоянная.

Гемран пел про них. Про вечную жизнь. Про поля битв, над которыми кружат вороны. Про смерть, которую всегда изображали на картинах с белыми волосами Доны. Про потерянных учеников, друзей, любимых, тела которых рассыпались под солнечными лучами, а души никогда не найдут покоя.

Девушка почувствовала, что к глазам подступают слезы. Она видела, как Кристоф, сидящий рядом, стиснул подлокотники кресла, слушая песню на старонемецком. Как застыло его лицо.

Это была истинная магия. Та, что сильнее огня асиман, тления тхорнисхов и некромантии кадаверциан.

Даже прадеды Гемрана еще не появились на свет в то время, когда кадаверциан носил на плече тяжелый топор бургундского наемника. Вэнс не мог знать о том, как Дону тащили за волосы из кареты, чтобы перерезать горло. Тогда девушка впервые увидела зеленый свет некромантической магии, спасшей ее жизнь. Но в одной из песен она слышала именно эту историю...

Гемран улыбался, и каждый в зале думал, что эта улыбка только для него. И если бы сейчас, именно в эту минуту он позвал Дону – она бы пошла. Наверное...

В перерывах между песнями Вэнс говорил с залом. Смеялся. Шутил. Наклонялся, чтобы хлопнуть по ладони кого-нибудь из поклонников, толпящихся у сцены и тянущих к нему руки. Швырнул в зал барабанные палочки, и подростки едва не подрались из-за них.

На заключительный номер Гемран вышел с двумя факелами. Толпа вопила от восторга, когда, под тревожный бой ударников, он подносил огонь ко рту и выдыхал длинные красные языки пламени...

Вэнса не отпускали со сцены долго, и он возвращался вновь и вновь, хотя Дона заметила, что музыканта слегка пошатывает. Лоб его лоснился от пота, а улыбка стала напряженной.

Когда верхний свет загорелся вновь, Кристоф стремительно поднялся.

– Я хочу подойти к нему.

Дона пошла с некромантом.

За сценой суетились люди. Спешно разбирали экраны, сматывали провода, перетаскивали технику, шумно переговаривались, не обращая внимания на двух кадаверциан. Гемран сидел на складном стуле, поливал полотенце водой из пластиковой бутылки и протирал лицо. Увидев гостей, он быстро встал, и направился к ним, плечом отодвинув с дороги кого-то из своих музыкантов.

– Спасибо, – коротко сказал Кристоф. – Особенно за третью песню.

– Я почему-то был уверен, что она тебе понравится, – улыбнулся Вэнс. От него пахло гарью, мокрой воловьей кожей и усталостью.

– Дарэл говорил, у тебя трудности и нужна помощь.

– Нет, – резко оборвал фэриартос, и тут же поспешил загладить не слишком вежливый ответ. – Благодарю, нет.

Он посмотрел на Дону:

– Я видел ваши слезы, мистрис. Значит, я все делаю правильно. И помощь не нужна.

– Тогда удачи.

Кристоф кивнул на прощанье но, уже уходя, обернулся:

– Спецэффект последней песни... Заклинание асиман?

– Спирт, – рассмеялся Вэнс.

– ...Спирт... – повторил Кристоф, открывая дверцу машины. Усмехнулся каким-то своим мыслям, взглянул на девушку. – Тебя подвезти?

– Я хочу пройтись.

Кадаверциан не стал настаивать, кивнул на прощанье и сел за руль. Дона провожала взглядом его машину, пока свет задних фар «БМВ» не слился с огненным потоком Садового кольца. А потом неторопливо направилась к спуску с холма.

Она все еще находилась под впечатлением от концерта и хотела побыть одна. Прогуляться по ночной Столице... Но не успела сделать и несколько шагов, как из переулка вынырнул черный «бентли». Бесшумно подкатил к тротуару, дверь открылась, в салоне загорелся свет, и кадаверциан увидела Рамона Вьесчи собственной персоной.

Вместо привычного делового костюма он был в темном свитере и джинсах. Два постоянных телохранителя отсутствовали, так же как дипломат с документами. Ледяное высокомерие на лице сменилось очаровательно-любезной улыбкой.

Онемев от изумления, Дона смотрела, как негодяй выбирается из машины и склоняется перед ней в легком поклоне.

– Доброй ночи, миледи. Не возражаете, если один час я побуду вашим личным шофером?

Он распахнул переднюю дверцу с таким видом, словно предлагал ей прокатиться по меньшей мере в королевском экипаже. Вилисса улыбнулась, но не сделала попытки приблизиться к гостеприимно светящемуся салону.

– Рамон, скажите, наконец, откровенно. Что вам от меня надо?

Рассматривая ее с ног до головы с видимым удовольствием, вьесчи произнес многозначительно:

– А что может быть нужно мужчине от изумительно-привлекательной женщины?

Дону нахальное заявление слегка покорило. Более того, она прекрасно понимала, что Рамон откровенно насмешничает, изображая испанского кабальеро.

– Учитывая то, что они принадлежат разным кланам...

Сохраняя маску неотразимого любовника, банкир подошел к ней, властно протягивая руку:

– Миледи, давайте забудем о политике в эту прекрасную ночь. Я знаю один великолепный ресторан, где...

– Рамон! – голос девушки утратил вежливое спокойствие, и в нем зазвучала сталь. – Вы слишком много общались с юными фэри и стали неосмотрительно считать всех женщин наивными дурами, падкими на лесть. Говорите прямо, что вам надо. У меня нет времени на слащавый флирт!

Несколько мгновений вьесчи смотрел на нее хмуро, потом его лицо приобрело привычное высокомерно-отрешенное выражение.

– Хорошо. Если вам угодно придерживаться делового тона.

– Да. Мне угодно именно это.

В черных глазах негоцианта блеснуло что-то вроде досады.

– Предпочитаете говорить со мной непосредственно на улице? – сухо поинтересовался он. – Или все же сядете в машину?

Кадаверциан молча подошла к «бентли», опустилась на переднее сиденье. Рамон сел за руль.

– Не возражаете, если мы отъедем на пару кварталов?

– Нет.

Они молчали до тех пор, пока не оказались на темной улочке, огибающей парк. Дона смотрела в окно, наслаждаясь теплом и тихой музыкой радио. Она не слишком доверяла современным средствам передвижения, но сейчас поняла, что получает удовольствие от езды в обществе негоцианта. Вьесчи внимательно наблюдал за дорогой, ведя машину плавно, уверенно и аккуратно. Останавливаясь у каждого светофора и притормаживая на переходах. «Комфорт и надежность». Девушка невольно улыбнулась – эта мимолетная мысль походила на рекламный лозунг.

Впереди показалась неровная стена деревьев, освещенных дрожащим светом редких фонарей. Парк выглядел черным и застывшим. Рамон остановил машину у разбитого тротуара, погасил фары. Помолчал и заговорил деловым тоном, каким предпочитал общаться на Советах:

– Помня о вашей нелюбви к посторонним разговорам, – он с едва заметной издевкой выделил слово «посторонним», – перейду сразу к делу. На прошлой неделе я получил заказ на большую партию чилийского «конского волоса». Вам о чем-нибудь говорит это название?

– ...«конский волос»... – повторила девушка и внимательно посмотрела на вьесчи. – Это один из ингредиентов «Лунной бездны»?

– Именно. – На смуглом лице собеседника мелькнуло удовлетворение. – Немногие знают об этом.

– Нософорос... – прошептала Дона.

– Да. Это их заклинание.

– Но они ушли. Исчезли. Зачем кому-то...

Она осеклась, сообразив, что повторяет свой вопрос, недавно заданный Кристофу.

– Зачем кому-то обращаться к древним знаниям? – закончил за нее негоциант. – Меня тоже это очень интересует.

– Но разве вы не знаете, кому и что доставляете?

Рамон помолчал, видимо решая, стоит ли посвящать ее в тонкости своего бизнеса, затем заговорил неохотно:

– Чаще всего клиенты действуют через подставных лиц. И если я, интересуясь, кто хочет приобрести товар, буду копать слишком глубоко, ко мне перестанут обращаться. Я потеряю деньги и доверие заказчиков. Поэтому... догадки у меня есть, но довольно смутные.

– Скажите, Рамон, – Дона пристально посмотрела в черные глаза, – у вас случайно не было заказов на кровь кадаверциан?

– «Могильная гниль»? – понимающе приподнял брови вьесчи. – Кажется, ваша кровь – один из основных ингредиентов? Нет. Не было. Но если бы кому-то понадобилось ее получить, это бы не составило труда. В Северной резиденции, во время Витдикты, ее пролилось достаточно.

Облокотившись о дверцу, Дона напряженно думала, не обращая внимания на пронизывающий взгляд негоцианта...

– Какие еще товары вас просили достать?

– Партию коралловых аспидов. – Увидев ее недоумение, он усмехнулся, демонстрируя длинные клыки, и сам стал похож на змею.

– Это магическое животное Лугата?

Рамон утвердительно наклонил голову, а потом вдруг перестал улыбаться, придвинулся ближе и произнес доверительно:

– Мне не нравится подобное перемещение артефактов. Мой богатый жизненный опыт подсказывает, что это грозит большими неприятностями нам всем. Безобидные на первый взгляд объекты начинают скапливаться в одном месте. И в соединении с другими, такими же безобидными, объектами они становятся смертельными. «Могильная гниль». «Лунная бездна». «Слюна Гидры»...

– «Сеть Аида», – тихо продолжила Дона.

– И прочие давно забытые заветы, для которых нужны материальные предметы. – Вьесчи откинулся на спинку кресла и впервые за разговор отвел взгляд от девушки, поглядев в темноту парка. – Кто-то начал серьезную подготовку. Я не хочу новой войны, Дона. Я хочу спокойно жить, управлять сетью своих банков и встречаться с красивыми женщинами. Меня не интересует новый передел мира.

– Вы ищете союзников среди кадаверциан, Рамон? – задумчиво спросила она, рассматривая профиль испанского гранда и, жалея, что не обладает способностями Дарэла. Если бы можно было узнать, что на самом деле думает и чего хочет вьесчи!

– Да.

– Мы не вступаем в альянсы с другими кланами.

– Потому что ослеплены своей силой, – негоциант усмехнулся, снова поворачиваясь к ней. – Кажется себе невероятно могущественными. Но ваш клан разобщен. Вас легко перебить поодиночке. В те моменты, когда вы этого совсем не ждете.

– Как сейчас, например? – с убийственной вежливостью осведомилась она.

Жестом шутливого отчаяния собеседник вскинул руки:

– Боже упаси. У меня и в мыслях такого не было. Мы не хуже клана Искусства умеем ценить красоту. А такая женщина, как вы...

Дона досадливо поморщилась и снова перевела разговор на интересующую ее тему:

– Впервые слышу, чтобы нас называли могущественными. Все считают, что мы отошли от дел потому, что ослабели от прошлой войны и тихо вымираем.

– Так полагают только глупцы, – резко отозвался Рамон. – Недалекие профаны. Я знаю вашу истинную цену и, поверьте мне, Дона, через некоторое время в дверь особняка Кристофа еще не раз постучат нуждающиеся в вашей дружбе. Но, надеюсь, я окажусь первым.

– Тогда почему бы вам не обратиться прямо к нему?

– Не считаю верным. – Вьесчи смотрел на девушку с легким утомлением, как будто сожалел, что та не понимает элементарных вещей. – Я предпочитаю иметь дело с вами... – Он вдруг наклонился совсем близко, так, что вилисса увидела мерцающие белые огоньки в его глазах. – Я хочу тебя защитить.

Дона рассмеялась от этой неожиданной и нелепой откровенности.

– Во-первых, сеньор де Кобреро, не помню, чтобы мы с вами пили на брудершафт...

Он усмехнулся и потянул вверх рукав свитера, открывая запястье.

– Мы можем сделать это прямо сейчас.

– Благодарю. – Дона мельком взглянула на вену, выступившую под смуглой кожей. Улыбнулась, представив последствия этого «брудершафта». – Но должна предупредить. Если вы не знали, кровь кадаверциан... некоторых старых кадаверциан ядовита для представителей всех остальных кланов. И когда вас найдут мертвым, посиневшим, с раздувшейся шеей и глазами, вылезшими из орбит...

– Можно обойтись без подробностей, – с видимым сожалением Рамон опустил рукав, отодвинулся и положил руки на руль. На его безымянном пальце блеснул золотой перстень с топазом.

– А во-вторых, о какой защите может идти речь? – Желтоватый камень не отпускал взгляд девушки, казалось, золотистые искры кружат в нем непрерывно, слегка гипнотизируя. – Если о магической, то вы не обладаете магией.

– Дорогая Дона, вы снова подтверждаете мое опасение, – с явно притворной печалью произнес Рамон. – Вы ослеплены своей силой. И эта слепота оборачивается против вас. Что стало с Обайфо? Это был самый могущественный клан. Его уничтожили. Лудэр – мертв. Лугат там же. А самые слабые вьесчи по-прежнему процветают. Более того, все остальные кланы зависят от нас. Мы – гарантия вашего материального благополучия.

– Звучит, как реклама, – пробормотала Дона, чувствуя в словах Рамона некоторую долю правды. – И от кого именно вы собрались меня защищать?

Он не успел ответить. Девушка вдруг почувствовала приближение чего-то знакомого. Голодного и опасного... со стороны парка.

– В чем дело? – Рамон стремительно обернулся на звук шаркающих шагов. Его рука метнулась к внутреннему карману куртки.

С треском ломая ветки, из кустов выбрался вилах. Доковылял до машины и остановился. На некротическом создании был старый свитер и брюки, испачканные в земле. Мертвые глаза смотрели на Рамона, на сером лице проступило выражение голодной алчности. Дона определила время его создания с первого взгляда – дня четыре. Процесс разложения только начался.

– Это не ваш? – едко поинтересовался негоциант, в упор рассматривая тварь.

– Не имею привычки ходить со свитой из мертвецов не первой свежести, – в том же духе ответила Дона.

– Тогда какого черта ему надо? – Рамон вытащил револьвер с необычно коротким и широким стволом, потянулся к приборной доске, собираясь открыть окно.

– Нет. – Дона задержала его руку. – Не надо. Сейчас я узнаю, зачем он здесь.

– Ну, если это доставит вам удовольствие...

Рамон усмехнулся, чуть расслабляясь, но оружие не убрал.

Вилисса сосредоточилась, прикасаясь к сознанию существа, и невольно содрогнулась. Ей показалось, что она смотрит в колодец, забитый злобными оскаленными мордами, каждая из которых рвется наружу. Жаждет впиться клыками в живое тело, утоляя вечную ненависть. И, что самое странное – та была направлена на вьесчи.

– Рамон, – произнесла Дона тихо, – медленно поезжайте вперед. Так, чтобы он успевал за нами. И откройте люк.

Вьесчи не стал задавать глупых вопросов, сразу же делая все, что она просит, но не удержался от ехидного замечания:

– Не думал, что некроманты боятся собственных зомби.

– Это не зомби. – Дона быстро освободилась от пальто, стянула с пальцев, загорающихся зеленым, все кольца, не глядя, сунула их в карман. – Это рапаит, забитый голодными бетайласами. Поезжайте прямо в парк... Только бы не наткнуться на человека.

Она поднялась, до пояса высываясь из машины. Существо медленно брело за автомобилем, не догоняя, не пытаясь напасть. Оно как будто ждало чего-то. Пустые глаза не отрывались от Рамона. Дона вытянула руку, и на ее ладони расцвел зеленый цветок. В сторону мертвеца потянулись тонкие плети. Захлестнули тварь, придавили к земле. Рапаит попытался вырваться и забился в силках, злобно шипя. Машина остановилась.

– Атамас... глобхул схкан-хар... – произнесла мистрис, рывком раздирая пространство.

В темноте под деревьями развернулась светящаяся трещина. В ее глубине свистел ветер, и мелькали едва различимые тени. «Бентли» тряхнуло. Дона стукнулась о край люка и тотчас почувствовала на своей талии руку Рамона.

Медленно, осторожно, кадаверциан захватила одного из бетайласов, рвущихся наружу, зацепила его невидимой удавкой своей силы и потянула, направляя в открывшийся туннель.

Злобный дух не хотел уходить, рвался и выл, но мощный толчок вышвырнул его в мир, из которого тот пришел. За ним отправился второй. Третий. А потом рванулась вся стая.

Дона с трудом удерживала выход, соединяющий два пространства. Вокруг нее бурлил зеленый свет. Рапаит, распластанный на земле, бился и рычал. Между пальцами девушки сверкали изумрудные молнии, вонзающиеся в мертвое тело, оживленное чужой волей. В их свете деревья казались мертвыми, похожими на изломанные светящиеся гнилушки. Холодный ветер пах прелью и анисом.

Некромант едва успела захлопнуть тоннель прямо перед последним бетайласом, заперев его в мертвом теле. Нырнула в машину, оттолкнув руку Рамона, и выскочила на улицу. Удавка из зеленого огня крепко держала шипящее от злости существо. Но, почувствовав Дону, оно тут же затихло, перестало скалиться.

– Как ты посмела, тварь, преследовать меня?! – сквозь зубы произнесла хозяйка тьмы, глядя в мертвые глаза.

– Простите, вилисса, – прохрипел дух. – Мы не знали, что вы здесь. Иначе не посмели бы...

– За кем вы охотились?

Тварь взвыла, задержалась.

– Не смею сказать, госпожа!

– Отвечай, иначе я распылю это тело и тебя вместе с ним! – она подняла руку, позволяя духу рассмотреть зеленый огонь в своей руке.

– За твоим спутником, – проскулил бетайлас, пытаясь сбросить с себя удавку.

– Кто вас послал? Кто, я спрашиваю!!

– Его дух сильнее, – разобрала Дона в потоке хрипов, хлынувших из мертвого горла. Существо еще раз дернулось и вспыхнуло, но не от пламени некроманта. Его жег внутренний огонь.

– Вилисса! – пронзительно завизжал бетайлас, запертый в пылающую ловушку. – Спасите!

– Замри! Не дергайся! – крикнула кадаверциан, бросаясь к трупам. Стиснув зубы от боли, погрузила руку в огонь, пытаясь захватить и вытянуть наружу плененного духа. Ей это почти удалось, как вдруг рядом прозвучал негромкий хлопок, Дону отшвырнуло в сторону, а мертвец рассыпался горячим пеплом. Вскинув голову, девушка увидела рядом вьесчи. Тот стоял, держа револьвер, широкое дуло которого дымилось. Бетайлас был уничтожен вместе с телом.

– Рамон, – устало произнесла Дона, – кто просил вас вмешиваться?

– Я избавил вас от необходимости пачкать руки. – Он усмехнулся, кивнув на обожженную и стремительно регенерирующую кисть кадаверциан. – Мне, конечно, не раз доводилось видеть ненормальную привязанность некромантов к своим мертвецам. Но наблюдать, как красивая женщина сгорит живьем из-за груды костей, было выше моих сил.

Вилисса стремительно поднялась, не обращая внимания на галантно протянутую руку испанца. Долго сдерживаемое раздражение готово было выплеснуться на вьесчи, но она заставила себя промолчать. Подошла к машине, взяла пальто. Стряхнула с него несуществующую грязь. Повернулась. И столкнулась с Рамоном.

– Насколько я понимаю, – произнес он хмуро, – мне снова удалось сделать или сказать что-то, обидевшее вас.

– Только что вы уничтожили бетайласа. – Она стала медленно надевать кольца. – Это существо из того же мира, что и Тёмный Охотник. Слуга, воин, защитник... Да, я огорчена. Вы бы чувствовали то же самое, если бы кто-то застрелил одного из ваших деловых партнеров. Хотя, кажется, вы не особенно их цените.

Наверное, в ее голосе прозвучала подлинная горечь, потому что Рамон сказал негромко:

– Извините. Мне жаль, что я огорчил вас.

Дона холодно кивнула.

– Он мог сказать, кто его послал. Пытался сказать, но кто-то заложил в мертвое тело заклинание, которое уничтожает духа, едва только тот решится выдать своего хозяина.

– Кто, кроме кадаверциан, мог это сделать? – вьесчи убрал пистолет во внутренний карман куртки. – Я правильно понимаю, что его пытались натравить на меня?

Девушка накинула на плечи пальто, стараясь избегать взгляда собеседника, и нехотя призналась:

– Да. Это была ловушка. Скажите, а что бы вы сделали, если бы столкнулись с таким существом в одиночку?

– Прострелил его гнилую башку, – резко ответил банкир.

– И выпустили всех бетайласов, скрытых внутри. Один злобный дух, переселенный в мертвое тело, опасен, а если их много и все голодны... Они бы набросились на вас всей стаей и, скорее всего, уничтожили. Если бы меня не оказалось рядом...

Он криво усмехнулся, крепко сжал ее руку и вдруг превратился в прежнего Рамона Негоцианта. Какого она знала всегда. Холодного, расчетливого, равнодушного. Благородный кабаљеро исчез.

– Вот поэтому я не хочу обращаться ни к кому, кроме вас. Вы, Дона, молоды, но не глупы. И не надо делать таких негодующих глаз, я старше вас на много столетий. И пусть вы мастер Смерти, я – мастер по плетению интриг. Эта тварь, – вьесчи кивнул на пепел, лежащий на земле, – создание некроманта. Но не ваше.

– И почему вы в этом так уверены? – прищурилась она, ощутив неприятный холодок в груди.

– Вы были слишком изумлены, увидев его. И самоотверженно старались заступиться за меня. Кроме того, эта западня подтверждает некоторые мои предположения. Кто-то хотел от меня избавиться или ожидал, что я стану кричать на каждом углу, будто подвергся нападению клана Смерти. Начну требовать отмщения... Или сделаю ответный ход, подбросив к дверям особняка Кристофа ваше мертвое тело.

– Если бы вы пережили нападение. – Дона обошла вокруг груды пепла, прислушиваясь.

– Что вы делаете? – спросил Рамон.

– Пытаюсь выяснить, кто мог подстроить эту провокацию.

Тонкая ниточка чужой силы обнаружилась возле одного из дальних деревьев. Она быстро таяла, но девушка смогла определить, откуда тянется след.

– Дона...

– Если хотите помочь – позвоните Кристофу. Вот ваш единственный реальный шанс получить союзника среди нас. Скажите, что я пошла по следу рапаита, он поймет.

Она развернулась и побежала в темноту парка. Существо пришло оттуда. Кто мог создать его? Кому надо посылать духа для нападения на Рамона? Кто знал, что они встретятся сегодня? Именно в этом парке?

Высокие каблуки мешали бежать, длинное пальто цеплялось за кусты, ветки хлестали по лицу, но Дона упорно неслась вперед, боясь упустить зеленоватую, видимую только ей, дорожку магического следа. В тонкой цепи стали появляться разрывы, несколько раз пришлось останавливаться и заново искать зеленую нить.

Кому выгодно стравить два клана? Кто хочет развязать войну?!

За деревьями мелькнул черный покосившийся крест. Кладбище. Дона замерла, глубоко вдохнула морозный воздух. Расслабилась, беззвучно произнесла несколько фраз и, спустя мгновение, почувствовала за левым плечом размытую тень. Любимым заклинанием Кристофа был «Тёмный Охотник», Вольфгер предпочитал «Покров Ночи», Дона в трудные минуты призывала «Тень Смерти».

Кадаверциан пошла вперед по узкой тропинке. Мерзлая земля отзывалась на ее шаги стуком. Тишина, покой, холод. Между могилами все еще висела дымка старой силы, ощутимая лишь для мастера Смерти.

Ниточка следа становилась все тоньше, но Дона больше не спешила. За кустами сирени показался черный памятник, похожий на колонну. Волосок чужой магии проходил сквозь него и уходил в землю, глубоко вниз.

Мистрис медленно приблизилась к монолиту, приложила ладонь к холодному, полированному граниту. Отзываясь на ее прикосновение, плита поехала в сторону, открывая прямоугольный провал.

За спиной послышались торопливые шаги, хрустнула ветка. Дона стремительно обернулась, тень за ее плечом хищно затрепетала, но тут же замерла равнодушно.

Продираясь сквозь кусты, на открытое пространство выбрался Рамон.

– Свидание с некромантом всегда заканчивается на кладбище, – шутливо заявил он, переводя дыхание. – Кристоф не отвечает, ни по домашнему, ни по сотовому, пришлось оставить сообщение на автоответчике. Но я не могу упустить свой шанс на взаимность, столь щедро подаренный вами.

Он подошел к провалу, заглянул в него, тихонько свистнул.

– Дона, скажите мне, что нам не придется лезть туда.

– Вам – не придется. – Девушка сняла пальто, бросила его на ближайший памятник.

– Одна вы не пойдете.

– Рамон, вы не обладаете магией и помочь не сможете в любом случае! А у меня нет ни времени, ни желания обеспечивать вашу безопасность!

Смирено улыбаясь, он выслушал ее гневную отповедь.

– Вы принуждаете меня развеять древний миф, миледи. Раз уж вам пришлось открыть мне кое-какие тонкости некромантии, я вынужден сделать ответный шаг. Я обладаю магией. Только, прошу, никому не говори об этом, – последняя фраза была произнесена шутливым драматическим полусшепотом.

Дона не смогла сдержать улыбку.

– Не веришь?

Рамон тяжело вздохнул, рывком расстегнул молнию на куртке, и поднял свитер. На его груди девушка увидела рельефный узор. Казалось, под кожей вьесчи находится цепь, свернутая тремя тугими витками.

– Всего лишь несколько древних артефактов, которые я вживил в свое тело. Это с их помощью мне удалось пережить несколько войн, пару революций и природных катаклизмов.

Дона покачала головой.

– Вы не перестаете удивлять меня, Рамон.

Она подошла к открытой могиле, села на край и протянула вьесчи обе руки. Он крепко взял ее за запястья и помог спрыгнуть.

Дона приземлилась на кучу рыхлого песка. Спустя мгновение, когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что оказалась в длинном коридоре, стены которого выложены неровными каменными плитами. Над головой, в двух метрах светлел прямоугольник «входа». Тающий след вел направо.

Рамон прыгнул следом. Стряхнул землю с брюк. Огляделся. Дона жестом указала куда идти, он молча кивнул.

Кадаверциан шла впереди. Вьесчи держался за ней, больше не пытаясь изображать отважного рыцаря. Несмотря на древние артефакты в теле, он знал, что в схватке с созданием потустороннего мира его шансы на победу куда ниже.

Коридор становился то шире, то уже. Время от времени приходилось нагибаться, чтобы не задевать головой за низкий потолок. Один раз Дона увидела выступающий из стены гроб. Из

его разбитой боковины в коридор свешивались чья-то наполовину истлевшая рука. Девушка шепнула едва слышное заклинание. Конечность тут же втянулась обратно, дыра в гробу закрылась, а сам он скрылся в земле, там, где ему и было положено находиться.

– Любите порядок? – скептически поинтересовался Рамон.

– Проявляю почтение к смерти, – машинально отозвалась Дона, пытаясь поймать ниточку вновь оборвавшегося следа.

– Почтение к смерти? У некроманта? – вьесчи хмыкнул и вдруг стремительно обернулся.

Его ладони засветились белым, в спертom воздухе подземелья резко запахло озоном.

Впрочем, он тут же расслабился, пробормотав:

– Показалось.

Вилисса молча кивнула. Она ничего не почувствовала. И тень за ее плечом стояла, не шевелясь. Угрозы не было. Зато была возможность увидеть магию негоцианта.

– Полное уничтожение? – небрежно поинтересовалась Дона.

– Полное обездвиживание. – Рамон погасил свет в ладонях. – Мне бы не хотелось допустить ту же ошибку, что и с вашим бетайласом.

Коридор вильнул в сторону. След стал еще тоньше, а потом пропал. Полностью рассеялся в воздухе. Девушка остановилась. Замерла, раскинув во все стороны тонкие лучики магической сети. Но не ощутила ничего.

Рамон прислонился к стене, наблюдая за ее метаниями.

– След пропал, – бросила она в ответ на вопросительный взгляд. – Я ничего не чувствую. Идем дальше. Скорее. Быть может, впереди...

Каблуки вязли в земле, и Дона, сбросив неудобную обувь, ускорила шаг. Потом побежала.

– Отличная разминка после нудной канцелярской работы, – сказал вьесчи, старясь не отстать от нее. – За пару часов общения с вами я бегал больше, чем за последние полгода. Нам надо почаще встречаться.

Мистрис сердито мотнула головой, не отвечая. Следа не было. Коридор начал было спускаться вниз, потом круто пошел вверх. Магическая нить не появлялась.

Тоннель вильнул еще раз, стало светлее. Кадаверциан остановилась. Проход закрывала ржавая решетка. За ней густо переплетались ветвями кусты шиповника. Подземный ход закончился.

– Хотите, чтобы я выломал прутья, или прогуляемся обратно? – галантно осведомился Рамон.

Машинально крутя перстень на указательном пальце, Дона сидела в машине вьесчи.

Они вернулись к тому месту, откуда спустились в подземелье. Но магический след уже полностью рассеялся. На этом кадаверциан не успокоилась, она попыталась найти материальные отпечатки рапаита. Сломанные ветви, обрывки одежды на колючках кустов, хоть что-то. Но единственное, что от него осталось – немного пепла на земле.

– Не расстраивайтесь, – Рамон вытащил из карманов куртки туфли Доны, поставил их возле ее ног. – Если на меня нападут снова, я сразу сообщу вам.

Девушка слабо улыбнулась в ответ. Вьесчи сел за руль.

– Куда вас отвезти?

Она назвала адрес, прислонилась затылком к подголовнику кресла, закрывая глаза. Создать рапаита, направить его на нужную жертву, вложить в мертвое тело заклинание уничтожения, и оставить после этого такой слабый магический след мог только мастер высочайшего уровня. Но это бессмысленно. Слишком сложно. Есть более простые и действенные способы убийства. Тёмный Охотник не оставляет от жертвы ни капли крови. А после нападения бетайласа всегда остаются следы...

– Дона, – долетел до нее тихий голос вьесчи, – я не успел сказать вам все, что собирался. Нас прервали.

Она открыла глаза и повернула к нему голову. Рамон сосредоточено смотрел на дорогу. Они ехали по узкой улочке между двух рядов невысоких спящих домов, где горели фонари и редкие окна.

– Вы помните тот день, когда исчез Вольфгер?

Кадаверциан напряглась. Дурное предчувствие ледяным ознобом прокатилось по ее спине и скатилось к босым ступням.

– Помню.

Рамон помолчал, свернул в темный переулок, и машина медленно поползла по неровному асфальту.

– Двенадцатого сентября, в двадцать три тридцать, у него была назначена встреча. Со мной.

Дыхание Доны на мгновение прервалось. Тридцать лет она пыталась узнать хоть что-то о судьбе учителя, а вьесчи все это время знал и, быть может, сам...

– Но мы не встретились, – невозмутимо продолжил Рамон, не обращая внимания на зеленый огонь, загоревшийся в ее судорожно сжатых пальцах. – Мне позвонили и сообщили о том, что randevu отменяется. А через несколько дней я узнал, что глава клана Кадаверциан исчез. Можете представить мое... ошеломление?

Стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, Дона спросила:

– Кто вам позвонил?

На мгновение вьесчи оторвал взгляд от дороги, пристально посмотрел на нее и произнес:

– Кристоф. – И продолжил, прежде чем она успела осознать, что он сказал. – За час до назначенного времени мне позвонил Кристоф, передал извинения мэтра и просьбу перенести встречу на другой день. Естественно, я не мог не согласиться.

– Это невозможно, – прошептала Дона. – Это просто невозможно. Вы намекаете, что... Вы уверены?

– Я уверен.

– Но почему вы молчали раньше?!

Рамон улыбнулся едва заметно.

– Потому что я не испытывал желания оказаться хоть в малейшей степени причастным к внутренним разборкам клана Кадаверциан и, тем более, к исчезновению его главы.

– Тогда почему вы говорите об этом сейчас?! Мне?!

Вьесчи притормозил, чтобы не сбить кошку, метнувшуюся через дорогу.

– Потому что мои подозрения становятся все сильнее. Это существо из парка. Его мог создать только некромант высокого уровня, не так ли? – Рамон почти дословно повторил ее мысли. Дона с ужасом поняла, что в тумане обвинений начинает вырисовываться жуткая картина, и тут же бросилась оправдывать собрата:

– Нет! Это бессмысленно! Да, создать рапаита может только мастер Смерти. Но эта работа отнимает слишком много сил, времени... это опасно, в конце концов. Ловушка могла не сработать. Голодные бетайласы часто не слушаются приказов. Их легко сбивает со следа человеческий запах. Можно с большей надежностью использовать Тёмного Охотника, можно...

Она замолчала, потому что продолжать дальше было бессмысленно.

– Возвращаемся. Едем к Кристофу! Немедленно!

– Вот уж нет! – тихо рассмеялся Рамон. – Сделайте милость, избавьте меня от внутри-клановых разборок.

– Поворачивайте, – приказала Дона, чувствуя, как от бешенства начинает гореть кожа на скулах. – Вы правы, нас, действительно, легко перебить по одиночке. И сейчас вы пытаетесь

разобщить нас. Поворачивайте, Рамон! Иначе сегодня вам придется пережить еще одно нападение некроманта.

Негоциант усмехнулся.

– Дона, вам никто не говорил, что когда вы сердитесь, ваши глаза начинают гореть, словно две черные звезды.

– Говорили, – зло ответила девушка. – Эффект смещения. На синий цвет моей радужной оболочки накладывается зеленый свет кадаверцианской магии.

Рамон понимающе наклонил голову и, продолжая любезно улыбаться, развернул машину.

Глава 3

Мастер Смерти

Положительные люди действуют на нервы, плохие – на воображение.⁶

3 декабря

Дона взбежала по ступеням особняка. Рывком распахнула дверь. В холле было тихо и сумрачно. Лишь с верхней галереи лился рассеянный свет, подсвечивая полотна с символами кланов. Казалось, они слегка серебрятся, едва заметно покачиваясь от сквозняка.

Предположения мистрис были нелепы – разумом она понимала это. Но сомнения уже начали больно колоть ее: «А что, если это правда?..»

Но зачем Кристофу убивать Вольфгера?! Чтобы стать главой клана? Он им не стал.

Девушка нашла на стене выключатель. Под высоким потолком ярко вспыхнула люстра, золотистые огни отразились в каменном полу, отполированном до блеска. Вьесчи проворчал что-то одобрителное, осматриваясь. Разглядел в орнаменте под ногами очертания кадаверцианского креста и понимающе усмехнулся:

– Впечатляет.

– Рад, что смог произвести на вас впечатление, Рамон, – прозвучало в ответ.

На лестнице, пристально разглядывая поздних гостей, стоял Кристоф. Увидел растрепанные волосы Доны, землю и пепел на ее одежде, отблески магического огня, все еще мерцающие на кончиках пальцев. Заметил иронично-настороженное выражение физиономии негоцианта и грязные следы от его ботинок на полу. Прищурился, и только теперь девушка заметила, какое утомленное у него лицо.

– Дона, что случилось?

Глаза мастера Смерти, светящиеся яркой зеленью, отражали только искреннее беспокойство. А она смотрела на собрата и не знала, что делать... кому верить.

– Кристоф, скажи мне... расскажи, что на самом деле случилось в сентябре тысяча девятьсот семьдесят седьмого года?

Несколько мгновений он смотрел на нее безмолвно, и Дона, затаив дыхание, ждала его реакции. Не дрогнут ли зрачки. Не мелькнет ли в них ответ на подозрения... Кадаверциан остался невозмутим. Спокойно выдержал пронзительный взгляд вилисс. Потом медленно повернулся к Рамону. Тот улыбнулся с видом полной покорности судьбе и женщине, которая решила, во что бы то ни стало, добиться правды.

– Идемте в гостиную, – сухо произнес колдун, и первым прошел вперед.

Он прислонился к полке с книгами, дождался пока поздние гости усядутся в кожаные кресла с высокими спинками, и теперь внимательно слушал торопливый, взволнованный рассказ Доны. Не перебивая вопросами или пояснениями, не отводя от нее взгляда.

Когда девушка закончила, в гостиной повисла невыносимая тишина. От спокойного внимания колдуна и многозначительного молчания вьесчи Доне вдруг стало невыносимо неловко за свои подозрения. И тогда Кристоф медленно заговорил:

– Вечером двенадцатого сентября Вольфгер сказал мне, что должен ненадолго отлучиться. Я предложил сопровождать его. Но он, – некромант усмехнулся невесело, – велико-

⁶ Оскар Уайльд. Защита Дориана Грея.

душно отказался. В тот день у меня было свидание с Флорой, и мэтр дал понять, что дело, по которому он уходит, не стоит того, чтобы лишаться удовольствия общения с Леди. Когда мы с ней уехали, Вольфгер был еще дома. Я узнал, что он не вернулся, только на следующий вечер. Я не звонил Рамону для того, чтобы перенести встречу, потому что мэтр не просил меня об этом.

Дона закрыла глаза, глубоко вздохнула, чувствуя дрожь в горле. Наверное, ей нужно было просто услышать от него что-то подобное, чтобы успокоиться. Поверить.

– Насколько я понимаю, теперь мы имеем лишь мое слово против слова Кристофа, – резко вмешался вьесчи.

– Рамон, вы уверены? – спросила девушка. – Вы могли ошибиться...

– Не имею такой привычки. Ошибаться. – Глаза негоцианта загорелись нехорошим блеском, губы сжались в тонкую линию. – Иначе все ваши сбережения в моих банках, уважаемые родственники, превратились бы в пыль.

– Я не храню сбережения в ваших банках. – Колдун едва заметно усмехнулся, отошел от полок и сел напротив вьесчи. – Значит, ты уверен, что слышал мой голос?

– Абсолютно. – Рамон подался вперед и произнес доверительно. – Кристоф, я не идиот и не самоубийца, чтобы врываться в твой дом и обвинять в похищении учителя. Но, если у тебя есть сомнения, пригласи Даханавара. Кажется, он теперь у вас в друзьях... – Вьесчи снова откинулся на спинку кресла и развел руки. – Пусть просканирует меня. И всем нам сразу станет спокойнее.

Дона быстро посмотрела на любимого ученика Вольфгера. Дарэл продолжал блуждать где-то в глубинах памяти Вивиана, и вытащить телепата в реальный мир было невозможно.

– Сейчас он недоступен. К сожалению. – Сожаления в голосе Кристофа не было. Девушке показалось, он уже сделал для себя какие-то выводы, однако не хочет произносить их вслух.

– Рамон, по какому делу вы должны были встречаться с Вольфгером? – спросила она грубее, чем хотела.

– Его интересовала информация, – нехотя ответил тот после секундной паузы.

– О чем? – тут же вмешался некромант.

Вьесчи поразмыслил мгновение, барабанил пальцами по подлокотнику, затем произнес:

– О лигаментиа.

Дона удивленно выпрямилась в кресле. Насколько ей было известно, мастера Смерти практически не имели дел с представителями этого клана.

– Что конкретно было нужно мэтру? – уточнил колдун.

– Легенды, слухи, догадки. Все знания, которые о них успели собрать вьесчи... Я уже передавал ему сведения. Дважды. Та встреча должна была стать третьей.

Кристоф задумался, и Дона знала, о чем. Он был в доме Вольфгера, пытаясь найти хоть какой-то намек, связанный с исчезновением учителя. Однако тогда не знал, что конкретно искать.

– Но зачем?! – Девушка не смогла сдержать удивления. – Неужели Вольфгер знал о лигаментиа меньше, чем ты?

– Я не интересовался, *зачем* мэтру нужна информация, – доверительно произнес Рамон, подчеркнуто обращаясь только к девушке. Улыбнулся, вызвав у нее секундную вспышку раздражения. – Получив возможность оказать услугу главе клана Кадаверциан, было глупо не воспользоваться этим. Но сейчас больше любопытно другое – кто натравил на меня зомби?

– Считаешь, нападение рапаита тебя оправдывает? – голос Кристофа прозвучал глухо и враждебно. Дона удивленно взглянула на собрата, который всегда был невозмутимо вежлив даже с недоброжелателями.

– Я не оправдываюсь, – оскалился в ответ Рамон. – Мне нет смысла оправдываться. Дона видела, что произошло. Если бы она не вмешалась...

– Да, – задумчиво произнес некромант, – разыграно великолепно. Негоциант, после тридцатилетнего молчания, в приступе неожиданной откровенности решает раскрыть тайну похищения главы кадаверциан его ученице. Той, что любила его и страдала в неведении больше всех. Меценат «случайно» встречает девушку и везет для беседы в тихое место, выбрав из всех парков Столицы именно тот, где затаился голодный рапаит. Естественно, вилисса предотвращает нападение. Но как только существо собирается сказать, кто его создатель, негоциант убивает его. Затем следует путешествие по совершенно пустому и безопасному тоннелю, где можно показать себя самоотверженным защитником и, наконец, обвинить в предательстве меня. Именно в тот момент, когда проверить это невозможно.

На протяжении этого длинного монолога Рамон все крепче сжимал подлокотники кресла. Казалось, воздух вокруг него начинает потрескивать от электричества.

– Ты хочешь сказать, – процедил он сквозь зубы, – что я сам устроил нападение?

– Я хочу сказать, что в этой истории слишком много странных совпадений.

Несколько мгновений вьесчи с яростью смотрел на собеседника, потом внезапно расслабился.

– Хорошо. Предположим, ты прав. Тогда объясни, для чего, по-твоему, мне это надо? Произвести впечатление на Дону? Вызвать у нее недоверие к тебе и, таким образом, переманить на свою сторону одного из мастеров Смерти? Поверь, Кристоф, мне гораздо выгоднее получить поддержку от всего вашего клана. К тому же, – в голосе Рамона снова зазвучали искренние, доверительные интонации, – рано или поздно, тебе придется взять управление вашей семьей на себя. И мне совсем не выгодно получить врага в лице нового мэтра. Да, кстати, заодно скажи, откуда я мог взять рапаита? Их умеют создавать лишь колдуны из клана Смерти.

Кристоф молча поднялся, прошел в соседнюю комнату и вернулся спустя минуту, листая массивную книгу, переплетенную в красную кожу. Сел, положив открытый том себе на колени.

– Дона, когда ты видела последнего рапаита?

– Давно. Лет двести назад. Может, больше.

– Мастером по созданию «ульев» считался Леон де Кавальо, – сказал Кристоф, пробежав взглядом страницу. – Он погиб в тысяча семьсот двадцать пятом.

– Начало Вампирической эпидемии, – пробормотал Рамон, глядя на фолиант с безмерным интересом.

– Да, – подтвердил колдун, продолжая читать. – Искусство создания «ульев» больше не практиковалось в связи с большой разрушительной силой и сложностью в подчинении объекта.

Он закрыл книгу. На обложке слабо блеснуло изображение увитого плющом креста в черной траурной рамке.

– Говоря проще, – продолжила Дона, – создание рапаитов опасно для нас самих. Все человеческие рассказы о вернувшихся после смерти злобных чудовищах, уничтожающих целые деревни, повествуют именно про этих некротических существ.

– Вы хотите сказать, что никто из ваших после двадцать пятого года не делает этих тварей? – вопросительно приподняв брови, Рамон протянул руку, и Кристоф отдал ему книгу.

Вьесчи взвесил том на ладони, уважительно покачал головой, полюбовался качеством обложки и вернул обратно.

– Список погибших моего клана много тоньше. Хотя был период, когда не было времени заполнять пустые страницы.

– Не сомневаюсь, – сухо отозвался колдун. – Да. Мы не создаем рапаитов. Это вопрос безопасности.

– Тогда кто?

– Магия Леарджини сохраняет любое существо сколь угодно долго, – тихо произнесла Дона. – Рапаита могли сотворить двести, триста лет назад... Потом заморозить и воскресить, когда в этом возникла необходимость. Поэтому в тоннеле я почувствовала лишь тонкий след

пути зомби, но не ощутила места, где его делали. Возможно, его не создавали, а просто разбудили.

– Быть может, досточтимые собратья, вы ответите и на вопрос, кто обладает магией клана Леарджини сегодня? – скептически осведомился Рамон. – Из уважения к вам, Дона, я допущу, что много лет назад они могли захватить одно из ваших созданий. На всякий случай. Они вообще были очень запасливы. Но...

– Прямо как вьесчи, – произнес Кристоф, глядя на гобелен поверх головы Рамона.

Банкир предпочел не услышать этот комментарий:

– Но кто разморозил эту тварь? – продолжил он, снова поворачиваясь к девушке. – Если уважаемый господин де Альбьер не причастен ни к исчезновению Вольфгера, ни к сегодняшнему нападению, то... – Негоциант сделал глубокомысленную паузу.

– Насколько мне известно, после окончательного уничтожения «ледяных джиннов» кое-какие их знания присвоил клан Асиман, – неохотно произнес Кристоф. По его хмурому лицу было видно, что кадаверциана самого по каким-то причинам не устраивает эта гипотеза, но другой он предложить не может.

– Рамон, откуда вы знали, где меня можно встретить сегодня вечером? – спросила Дона.

Вьесчи улыбнулся довольной сытой улыбкой, и вид у него стал как у кота, только что слопавшего кусок парного мяса.

– Элементарная логика, миледи. Когда я говорил с вами по телефону, услышал посторонние голоса, иногда гудки машин. Значит, вы были не дома. Но обычно, по моим наблюдениям, на прогулку так рано вы не выходите. Следовательно, решили посетить какое-то мероприятие. Я внимательно изучил афиши на предмет того, что могло бы вас заинтересовать. Оперетту игнорируете. В оперу идете, только когда приезжают итальянцы. В театрах сегодня не было ничего приличного. А концерт Гемрана Вэнса, хорошего знакомого вашего друга Дарэла, вполне мог заинтересовать, если не вас, то Кристофа. Поет новообращенный фэриартос неплохо, поэтому я решил, что после представления вы, как особа очень впечатлительная, захотите побыть в одиночестве, прогуляться, дать улечься эмоциям. И, как видите, оказался прав.

Какое-то время Дона пребывала в некотором смятении. Ей и в голову не приходило, что Рамон изучает ее привычки. Более того – следит за ней! Похоже, Кристоф подумал то же самое, потому что его следующий вопрос прозвучал вызывающе:

– Кто знал, что ты собираешься встретиться с Доной?

Вьесчи задумался, и на этот раз он не играл и не притворялся – размышлял серьезно, напряженно.

– Никто. Хотя... Нет, никто.

Кадаверциан продолжал пристально смотреть на него, и видимо собеседник понял, что придется говорить все до конца:

– Есть кое-кто, кто мог быть в курсе. Но, уверяю, это абсолютно...

– Кто?

– Моя дочь. – Рамон увидел недоумение, появившееся на лицах некромантов, и усмехнулся. – Я обратил ее полгода назад и доверяю, как самому себе. У девочки выдающиеся математические способности, и оставить ее в той дыре, где она жила, было выше моих сил.

– А она не могла...

– Дона, я вас умоляю, ей всего восемнадцать. – Вьесчи поднялся и принялся расхаживать по кабинету. – Что ее может интересовать кроме нарядов и парней? Да она в восторге от самой себя и своих новых возможностей. Ей нет дела до наших интриг.

– Напрасно вы так думаете, Рамон, – мягко заметила Дона. – Не стоит недооценивать восемнадцатилетних девочек.

– Хорошо. Я поговорю с ней, – нехотя согласился вьесчи.

– Если бы господин де Кобреро своевременно сообщил мне о случившемся, – любезно улыбнулся Кристоф, – сейчас мы бы знали об этом наверняка.

– Господин де Кобреро считает *тебя* организатором нападения, – сухо напомнила Дона.

– Уважаемые родственники, – Рамон выразительно постучал по циферблату своих часов. – Кто-нибудь следит за временем? Быть может, вы обсудите все инсинуации господина де Кобреро после его ухода?

Дона прикусила нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Кристоф насмешливо сверкнул глазами.

– Вижу, что мне не удалось рассеять ваши сомнения, Впрочем, как и вам мои. Зато теперь у нас есть причина для следующей встречи... Миледи, – Вьесчи поцеловал руку Доне, – несмотря на все недоразумения, был счастлив видеть вас. Кристоф...

– Я провожу.

Колдун кивнул девушке, прося ее остаться, и вместе с негоциантом вышел из гостиной.

Когда Кристоф вернулся, Дона держала на коленях книгу памяти и медленно перелистывала страницы.

– Я не знала, что ты заполняешь ее.

Он облокотился на спинку кресла, в котором сидела мистрис.

– А имени Вольфгера нет. – Вилисса коснулась бумаги, на которой остались последние строчки, начертанные рукой учителя. Он всегда писал на валашском, гусиным пером.

– Дона, – Кристоф наклонился, и девушка почувствовала, как его волосы коснулись ее щеки. – Скажи, ты действительно думаешь, что я мог его предать?

– Нет. – От острого запаха пыли запершило в горле, она резко захлопнула книгу и повторила тихо. – Нет...

И совсем уже было собралась попросить прощения за свои недостойные сомнения, но Кристоф не дал этого сделать, заговорив сам:

– Тебе не кажется, что господин де Кобреро открыл слишком много карт? Буквально вывалил перед нами всю колоду.

Дона повернулась, чтобы видеть его глаза.

– Да, за последнюю ночь я узнала о вьесчи больше, чем за прошлое столетие. И меня...

– ...это настораживает, – закончил за нее Кристоф и добавил. – Я хочу съездить в дом Вольфгера.

– Я с тобой. – Она стремительно поднялась. – Понимаю, это глупо, но теперь мне за каждым углом мерещится ловушка.

– Нам надо быть осторожнее. Особенно – тебе. Я не хочу, чтобы здесь, – он постучал пальцем по обложке книги, – появилось и твое имя.

Глава 4

Женщина в белом

*Женщины обладают потрясающим инстинктом.
Они могут обнаружить все, кроме очевидного.⁷*

4 декабря

Заброшенный особняк Вольфгера стоял в глубине двора и был окружен гигантскими липами. Летом запах их цветов долетал до проспекта... Сейчас деревья тянули голые ветви к низкому небу и содрогались под порывами ледяного ветра с редкими снежинками.

Кристоф оставил машину в переулке, и до бывшего убежища главы кадаверциан они с Доной шли пешком. Асфальт на дороге потрескался, фонари давно не горели. На лестнице у подъезда лежал слой листвы, мелких веток и прочего мусора. В окнах мансарды отражались зеленоватые, призрачные огоньки, горящие в глубинах комнат. Здесь не было мертво, как в Праге, но девушка чувствовала, что холод, веющий от особняка, заползает в ее грудь.

– Дом с привидениями, – сказал Кристоф.

Дона мельком взглянула на него. Некромант стоял, засунув руки глубоко в карманы, ветер трепал его длинные темные волосы, а на лице было странное выражение досады и горечи.

– Когда ты была здесь в последний раз?

– Давно.

Она смотрела на провалы окон, машинально потирая похолодевшие ладони.

– Не могу приходить сюда. Все время кажется, что... – девушка не договорила.

Но колдун понял. Нахмурился еще сильнее. Первым поднялся по лестнице, отпер дверь своим ключом. Из-за плеча брата Дона увидела огромный круглый вестибюль. Входя внутрь, почувствовала привычную прохладу магической «Завесы» – мощного охранного заклинания.

Зеркальный пол покрывал слой пыли. В пустых вазонах серыми комками ссохлась земля. Раньше здесь росли розы. Колючие ярко-зеленые кусты оплетали простенки между окнами.

Вниз вели две широкие, плавно изогнутые лестницы. Если смотреть сверху, возникала иллюзия перевернутости дома. Казалось, что потолок и пол внезапно поменялись местами. Как архитектору удалось сделать это, Дона не могла понять до сих пор.

Из верхнего сада кадаверциан спустились в нижний холл. Колдун, едва слышно произносящий отпирание заклинания, шел впереди. Снизу поднималась ледяная тьма. Казалось, она ползет по ступеням и вьется вокруг ног, заглушая шаги.

Внезапно некромант остановился, прислушиваясь. Дона тоже замерла... Внизу кто-то был. Спутники обменялись быстрыми взглядами, и в ладонях у обоих зажглось зеленое пламя.

Лестница закончилась в просторном круглом зале. В него выходил десяток коридоров, еще два спуска вели на нижние галереи. С темных стен смотрели портреты. Лица давно погибших. Тех, кто был особенно дорог мэтру.

В центре павильона, на черном полу сидела женщина. Длинные, давно немытые и нечесанные волосы серыми космами падали на ее лицо, лохмотья когда-то, видимо, бывшие белым платьем, едва прикрывали худое тело. Руки с обломанными ногтями перебирали какое-то тряпье.

⁷ Оскар Уайльд. Идеальный муж.

– Кэтрин!? – воскликнула потрясенная Дона. Кристоф мгновенно погасил магический огонь. – Что ты здесь делаешь?

Женщина не обернулась, продолжая копаться в грудe мусора, наваленного перед ней. Вилисса взглянула на колдуна и увидела на его лице выражение сдержанного бешенства. Но когда он заговорил, его голос звучал очень мягко:

– Кэти, ты здесь одна?

Бормотание стало громче. Дона разобрала несколько слов, произнесенных на гелике⁸. Кристоф наклонился над ней, попытался взять за руку. Но она вырвалась и отползла в сторону.

– Бесполезно, – тихо произнесла Дона. – Она не понимает тебя.

Колдун резко вздохнул, сунул руку во внутренний карман куртки, вытащил сотовый телефон и пошел к лестнице. Проходя мимо одного из портретов, мельком глянул на него. На полотне был изображен рыжеволосый молодой человек с резкими, неправильными чертами лица. Герберт. Первый и последний «птенец» Кристофа, погибший давным-давно.

Некромант поднялся в вестибюль, и через минуту оттуда послышался его голос.

– Анри? Добрый вечер, друг мой. – Его резкий тон явно не предвещал собеседнику ничего хорошего. – Как у *меня* дела? Прекрасно!

Дона невольно улыбнулась, окидывая холл взглядом. Кэтрин натащила сюда кучу хлама. Черепки ваз лежали на полу вперемешку со старыми костями, камнями и лоскутками, образуя странный орнамент. В углу виднелся полураскрытый гроб. Видимо, в нем несчастная спала. Рядом растекалась большая лужа крови.

– Кэтрин, дорогая... – легко переборов некоторую брезгливость, смешанную с жалостью, вилисса присела рядом с родственницей. Медленно протянула руку, коснулась ее плеча. – Ты меня не узнаешь?

– Почему она здесь?! – прогремел сверху голос Кристофа, эхом отдаваясь от стен. – Я спрашиваю, почему она не с тобой? Что?! Потерял?! Тогда почему ты ее не ищешь? А мне плевать, чем ты занят! Обошел не всех марсельских шлюх?!

– Как же ты здесь оказалась? – не обращая внимания на гневный рык, ласково спросила Дона. – Почему не пришла к Кристофу или ко мне?

Безумица медленно повернула голову. У нее были странные бесцветные глаза. Прозрачные, как вода. Пустые. И только в глубине расширенных зрачков поблескивали зеленые искры...

Кэтрин была уникальна. Еще человеком она обладала удивительными способностями. Редкий случай врожденного некромантического дара. Простая баварская крестьянка оказалась бэныши – она ощущала приближение чужой смерти, чувствовала мгновение, когда душа покидала тело. Могла общаться с потусторонними сущностями. Но, к сожалению, сознание ее было замутнено. Время от времени она впадала в состояние полной прострации, не понимала, что делает и где находится.

– Ты знаешь, что ее нельзя оставлять одну, – голос Кристофа зазвучал глухо и угрожающе. – Ты устал? Тогда почему бы тебе не вывести ее на солнце?.. Чтобы через четыре часа ты был здесь. Нет рейсов? Закажи чартер!

Кэтрин, безучастная к своей судьбе, протянула руку и схватила сумочку Доны. Видимо, ее привлекла блестящая пряжка. Вилисса не стала возражать.

На лестнице послышались быстрые шаги. Кадаверциан спустился вниз и, судя по каменному лицу, он был в бешенстве.

– Анри скоро будет здесь, – произнес он сквозь зубы. – Этот фанфарон прохлаждается в своем марсельском замке, а его ученица в лохмотьях бродит по чужой стране, будто последняя нищенка.

⁸ Гелик – язык, на котором говорили в Ирландии вплоть до XVII века.

– Я могу его понять. – Дона наблюдала, как Кэтрин сосредоточенно потрошит ее сумочку. – Триста лет быть связанным с сумасшедшей. Не отходить от нее ни на шаг...

– Он знал, что она безумна, – возразил Кристоф. Бэньши, разрисовывающая пол помадой вилиссы, добралась до сапог колдуна, и ему пришлось отступить на шаг. – Я говорил Анри, что помешанный некромант это не прекрасная Жизель, потерявшая разум от любви. Но юный герцог решил, что будет весьма романтично спасти от костра деревенскую девушку, которую взбешенные крестьяне считали ведьмой. И сделал ее своей возлюбленной ученицей. Хотел переплюнуть Вольфгера. Мечтал о славе выдающегося учителя.

Услышав имя мэтра, Кэтрин неожиданно замерла. Посмотрела на колдуна, словно узнавая его, но ее внимание тут же угасло. Она снова принялась рисовать одной ей понятные символы.

– В клане происходит черт знает что, – продолжил Кристоф, обводя бешеным взглядом безмятежно глядящие со стен портреты. – «Могильная гниль». Сумасшедшая кадаверциан. Рамон со своими нелепыми обвинениями. Рапаиты, шляющиеся по городу.

– Послушай, – Дона поднялась с пола, перешагнула через орнамент на каменных плитах. – Ты не думаешь, что это она создала «улей»?

– Надеюсь узнать в ближайшее время, – сухо отозвался некромант. – Надо увести ее отсюда.

– А как же сведения о лигаментиа? Ты хотел посмотреть...

Кристоф взглянул на дверь, ведущую в библиотеку. Дона видела, как хочется ему найти хоть какой-то намек на произошедшее в прошлом. Но ответственность за клан в настоящем победила.

– Позже, – сказал он решительно.

Кэтрин пришла в себя в машине.

Сначала она сидела, забившись на заднее сиденье, закутанная в куртку Кристофа, крепко прижимая к груди сумочку Доны. Время от времени вилисса посматривала на баварку, но не успела заметить, когда в прозрачных глазах женщины появился проблеск разума. Поэтому вопрос, произнесенный чувственным грудным голосом, заставил ее вздрогнуть.

– Где я?

Дона стремительно обернулась. Кэтрин с легким недоумением оглядывалась по сторонам. Зимняя Столица, проносящаяся за окном машины, вызвала у нее удивленный возглас. Затем кадаверциан с гримасой отвращения увидела свои лохмотья, грязные руки, отбросила в сторону чужую сумку.

– С возвращением, – улыбнулся Кристоф, поворачивая зеркало заднего вида, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Здравствуй, Крис. Рада тебя видеть, Дона. – Она снова осмотрелась. – Что я успела натворить?

– Пока неизвестно, – ответила вилисса, в очередной раз с изумлением наблюдая за удивительным преображением безумной нищенки. Движения женщины стали вдруг плавными и грациозными. В лице появилась удивительная притягательность, а глаза засверкали зелеными огнями.

– Что значит неизвестно?! – воскликнула она с тревогой.

– Когда ты последний раз создавала рапаита? – спросил Кристоф.

Машина вылетела на обледеневший участок дороги и колдун сбросил скорость.

– Ты же знаешь, я их никогда не создавала, – отозвалась Кэтрин, машинально пытаясь пригладить растрепанные волосы. – Предпочитаю работать с умкову⁹. Что произошло?

⁹ Умкову – свирепое чудовище, похожее на гигантского паука, которое некромант призывает себе на помощь, создавая

Дона коротко рассказала о своем приключении с участием Рамона Вьесчи и агрессивного некромантического создания.

Баварка задумалась. На мгновение ее глаза приобрели отсутствующее выражение, но тут же снова заблестели.

– Какой сейчас год?

Кристоф ответил. Кэтрин прерывисто вздохнула и прошептала:

– Пять лет...

Дона поймала в зеркале взгляд кадаверциана. Похоже, он думал о том же, что и она. Раньше затмения воспитанницы Анри длились не больше пары месяцев.

– Мне очень жаль, – заговорила Кэтрин снова. – Но я ничего не помню. Я могла сделать все, что угодно, не осознавая этого. – Брови женщины угрожающе сдвинулись. – И я не знаю, сколько времени провела в одиночестве.

– Твой учитель скоро будет здесь... – Кристоф не договорил. В его кармане вдруг зазвонил телефон. – А вот, наверное, и он.

Держа руль одной рукой, мастер Смерти вытащил мобильный, взглянул на высветившийся номер и помрачнел.

– Да, Сэм... Уже еду. Сейчас буду. Ничего не делай.

Машина рванула вперед так, что Дону вдавило в сиденье.

– Что-то с Вивианом?

Колдун кивнул и до самого дома больше не произнес ни слова. Бросив автомобиль у подъезда, взбежал по лестнице, торопливо вошел в холл. Махнул рукой в сторону гостиной, обронил через плечо:

– Располагайтесь.

И скрылся в глубине особняка. Только глухо стукнула дверь подвала.

Разговор с Анри де Вольеном состоялся уже под утро. Но Кристоф в нем не участвовал. Он так и не вернулся из лаборатории.

Дона сидела в кресле, устало прислонившись виском к спинке, и слушала гневные возгласы Кэтрин, доносящиеся из-за неплотно прикрытой двери гостиной. Баварка в очень крепких выражениях высказывала учителю все, что думает о его безответственности и легкомыслии. Тот пытался возражать и оправдываться.

– Душа моя! – восклицал он по-немецки со своим неистребимым французским акцентом. – Ты пропала! Исчезла из запертого дома! Я искал тебя, но...

– Моей силой мог воспользоваться любой! Я сама могла сделать, что угодно! Неужели не помнишь, как в прошлый раз...

– Тише... тише, давай не будем сейчас об этом... – он понизил голос. – Мне бы не хотелось обсуждать это маленькое недоразумение. Тем более, мы все решили...

– Боишься, что Кристоф услышит? – не без яда в голосе осведомилась Кэтрин. – Будь уверен, он обязательно узнает об этом «маленьком недоразумении»! И если это я создала рапата, который напал на вьесчи, то я лично буду требовать, чтобы ты был наказан!

«Он прав, – подумала Дона, вспоминая слова кадаверциана, – дела в клане далеки от благополучия».

Глава 5

Незванные гости

В наши дни люди могут пережить все, кроме смерти и хорошей репутации.¹⁰

5 декабря

Дарэл Даханавар

Плавающая в странном полузабытии, Вивиан спал. Но знал, что не спит. Он слышал шаги и голоса за стеной, спиной чувствовал жесткие доски пола, на которых лежит, ощущал запах пыли от сорванного со стены гобелена. А потом увидел в оконной нише темный силуэт.

Напрягая зрение, Вивиан постарался рассмотреть неожиданного посетителя. Тот сидел на подоконнике, опираясь спиной о косяк, и задумчиво курил сигару. Бледное лицо казалось высокомерным и пустым одновременно, словно гость пребывал в состоянии глубокой погруженности в себя самого, и его раздражали любые попытки окружающих прервать размышления. В спутанных каштановых волосах виднелось несколько белых прядей. Коротковатые рукава коричневого пиджака открывали худые запястья. На одном из них узник фэриартос заметил продольный светлый шрам, с двух сторон которого виднелись белые точки.

– Что тебе надо?

Станный визитер внимательно посмотрел на Вивиана:

– Мне надо знать, какая роль в судьбе отмеряна судьбою... – тихо и напевно произнес незнакомец, снова затянулся и выпустил струю беловатого дыма.

Говорил он, почти не разжимая губ, но его голос гулко отозвался в голове пленника.

– Ты один из них?

– Когда умрешь во второй раз, закрой глаза, и тень опустится. Ты слишком долго боролся с ней.

– Что за бред ты несешь?!

– Еще увидимся. – Гость спрыгнул на пол, и вокруг снова стало темно...

Вивиан проснулся мгновенно, как будто не смыкал глаз. Голова была ясной, отдохнувшее тело казалось небывало сильным и ловким. Вот только что-то мешало. Перевернувшись на спину, он увидел над собой Идалию. Та нетерпеливо ткнула его носком туфельки в бок и спросила:

– Ну что? Очнулся?

– Остыл? – В дверях стоял Виктор и добродушно усмехался.

– Идем, школяр, – сказала Идалия, теребя свой кулон, и только теперь Вивиану удалось разглядеть, что это маленький золотой подсолнух. – Идем, я хочу рассказать тебе кое-что...

Небольшая комната, в которую они пришли, поражала контрастностью оттенков. Все столы и стулья были из черного дерева, на потолке темнела бронзовая люстра. В черной керамической вазе на полу сиял солнечной желтизной огромный букет подсолнухов, а светло-лимонные обои и ковер казались сделанными из настоящих золотых нитей.

¹⁰ Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Вивиан опустился на низкий, неудобный стул. Виктор встал за его спиной, Идалия расположилась на диванчике напротив.

– Мы называем друг друга кровные братья. И теперь ты – один из нас. – Девушка помолчала и первый раз с момента знакомства посмотрела на Вивиана внимательно и почти дружелюбно. – Это большая честь для смертного.

– А также для того, кто стал бессмертным, – добавил Виктор.

– Все мы посвятили свою жизнь магии Искусства, – продолжила Идалия. – Художники, скульпторы, музыканты... Нас не много, но мы создаем и храним величайшие произведения. Мы ценим красоту, талант и гармонию – самое ценное, что только может существовать в мире. Поэтому бессмертие дарим лишь прекрасным и одаренным людям. Однако, иногда судьба вынуждает нас вмешиваться в жизнь других кланов, чтобы сохранить то, чем мы так дорожим.

– Я хочу знать, – внезапно севшим голосом сказал Вивиан. – Ты говорила, вы – Фэриартос. А кто я?

– Лично мне, – Идалия пожала плечами, – это не интересно.

– Но кто-то... сделал меня таким. Почему я оказался один в подвале? Как вы нашли меня? Зачем привели сюда?

– Лучше побеспокойся о том, где ты можешь очутиться дальше, – дружески посоветовал Виктор.

– Так вы беспокоитесь о моем будущем? – язвительно поинтересовался Вивиан. – Вас волнует исключительно мое благополучие? Поэтому вы притащили меня в этот дом и заперли здесь? Отказываетесь отвечать на вопросы и осыпаете насмешками при каждом удобном случае? Зачем я вам нужен? – Вивиан подался вперед и схватил Идалию за руку. – Скажи мне правду!

Девушка зашипела от боли, пытаясь освободиться:

– Ты забываешься, парвус¹¹! Я оказываю тебе милость уже тем, что сижу рядом!

Сзади на плечи опустились тяжелые ладони, и Вивиан почувствовал, как мгновенно онемели руки. Тягучая чужая сила переламывала его волю, полностью подчиняя себе. Идалия вырвалась и гневно потеряла запястье.

– Тебя нашли в грязной канаве, – она согнула и снова выпрямила изящные пальцы, – и ты можешь отправиться обратно в любую минуту.

– Но я бы не советовал этого делать, – мягко заметил Виктор. – Мы очень вежливы с тобой. Тхорнисхи сожрали бы тебя в одну секунду, ты и пикнуть бы не успел.

– Или асиманы пустили на опыты, – закончила Идалия. При словах «тхорнисхи» и «асиманы» темная сила в душе Вивиана едва ощутимо шевельнулась. И это вызвало новую вспышку раздражения:

– Я должен знать больше! Все то, что знаете вы.

Девушка усмехнулась:

– Чтобы узнать все, что знаем мы, тебе понадобится не одно столетие, мальчик. Если ты выживешь.

– Ты хочешь выжить? – спросил Виктор мягко.

Ответ не требовался.

Выжить Вивиан хотел. Только это его и держало. Каждый вечер, после обычной дозы крови, темная половина начинала требовать мести, шепча о том, как чудесно было бы разнести в клочья этот дом. Сам же узник мечтал хотя бы сбежать отсюда. Но, как бы странно это ни звучало, выхода из особняка не было. Куда бы Вивиан ни шел, он всегда оказывался в одной и той же комнате.

¹¹ Парвус – ребенок (лат.)

Бесконечный заколдованный круг доводил до бешенства. Наверное, в другое время, в другой жизни, он бы, пожалуй, свихнулся. Однако теперь темная сила, поселившаяся в душе, внушала уверенность, что у всего происходящего есть разумное объяснение. Просто нужно набраться терпения. Просто – подождать...

Идалия сидела на низком пуфике перед зеркалом, медленно расчесывая черные волосы. Она приказала Вивиану подать завтрак в гостиную, и теперь «слуга» ожидал у двери, стараясь как можно реже смотреть на девушку. Полупрозрачный пеньюар пепельно-голубого цвета – домашняя одежда фэри – не скрывал практически ничего. Казалось, она сидит почти голышом. Однако чужое присутствие ее совершенно не смущало.

– Подай мне кровь, – велела Идалия, отложив, наконец, расческу. – И не забудь подогреть, как я вчера тебя учила.

Темная половина души злобно заворчала, но Вивиан молча подошел ближе. Первое правило, которому его научила фэри – уважать старших. И «уважение», которое она вбивала в него с помощью магии, означало непременно подачу крови на завтрак наставнице.

Держа в руках высокий хрустальный бокал, Вивиан мысленно представил, как в жидкость опускается горячий шарик, и та постепенно нагревается до температуры живого тела – тридцати шести и шести десятых градуса. Это действие предполагало магическое влияние на температуру «завтрака». Но фантазиям не суждено было сбыться. В реальности кровь вдруг закипела с грозным бульканьем, Идалия удивленно обернулась, и в это мгновение бокал взорвался. Ковер, зеркало и пуф оказались залепаны густо-красными вязкими пятнами. Фэри успела отшатнуться, и ей досталось меньше, но по волосам, левой половине шеи и груди, пропитывая пеньюар, неторопливо ползли горячие липкие струйки.

Девушка вскочила, на мгновение потеряв голос от бешенства.

– Безрукий кретин!!..

«Вторая половина» Вивиана удовлетворенно мурчала. Ей абсолютно и безоговорочно нравилась произошедшая неприятность. Рассерженное лицо Идалии доставляло не меньше удовольствия, чем ее обнаженная грудь.

– Убожество! Ты ничему никогда не научишься! – Девушка нервно вскочила и теперь наблюдала, как регенерирует ее обожженная кожа. – Если в следующий раз сделаешь что-нибудь подобное, на неделю останешься без еды.

Теперь от бешенства заколотило Вивиана. Он швырнул на пол ножку разбитого бокала, которую все еще сжимал в кулаке.

– Я сделал это не специально! У меня нет магической практики! Никакой!

– Меня это не волнует. Чтобы к моему возвращению здесь было чисто, – высокомерно заявила фэри и величественно удалилась в смежную со спальней ванную комнату.

Парень с раздражением проводил ее взглядом.

Хотя, как бы он ни злился, убирать все равно придется. Если не сделать этого добровольно, Идалия заставит с помощью магии. Однако Вивиан не успел сделать ни одного движения. С домом внезапно начала твориться очередная чертовщина.

Сначала возник звук. Мягкий, нежный шелест. Затем повеяло ароматом свежести... и стены начали таять. Они колыхались, словно тростник, по которому плеснула волна, лучились разноцветными бликами, а потом стали падать одна за другой, как театральные драпировки.

Вивиан увидел, что стоит в самом начале бесконечной анфилады полупрозрачных залов. Вереница комнат понеслась навстречу пленнику фэриартос, с такой скоростью, что ветер засвистел в ушах, и перехватило дыхание, хотя сам он не сдвинулся с места. Впереди четко обозначился черный прямоугольник. В нем виднелся кусок улицы с растрескавшимся асфальтом, дорожка, уходящая в глубину сада, старая липа... Преодолевая сопротивление воздуха, Вивиан

шагнул вперед, но его тут же схватили за плечо и дернули назад. Рядом стоял Виктор, а гостиная постепенно приобретала прежние, нормальные размеры и внешний вид.

Фэриартос был в ярости, но, сделав огромное усилие, заставил себя успокоиться. Криво усмехнулся, рассматривая заляпанного кровью «подопечного»:

– Хорошо выглядишь, жаль, что не я набил тебе морду. Где Идалия?

Вивиан машинально кивнул в сторону ванны и спросил:

– Что это было?

– Нашему дому ты неприятен так же, как и мне, – буркнул Виктор и скрылся за дверью, где плескалась в джакузи его родственница.

Спустя минуту они вышли вместе. Одета в короткий купальный халатик, Идалия с мокрыми волосами торопливо подошла к окну. Выглянула на улицу, а потом развернулась к Виктору. Фэриартос стали беседовать на том же самом языке, фразами на котором обменивались по дороге из подвала. А Вивиан неожиданно с удивлением сообразил, что понимает каждое слово.

Он сделал вид, будто занят уборкой гостиной, схватив первую попавшуюся под руки салфетку, и жадно прислушивался к разговору.

– Прекрати обучать его магии! – гневно и жестко приказал Виктор.

– Я не обучаю! – воскликнула она. – Он всего лишь приготовил мне завтрак.

– Идалия, ты ведь понимаешь, чем мы здесь заняты? Для чего делается все это. – Виктор взял ее за локоть и произнес угрожающе: – Если Фрэнсис узнает...

– Ему не о чем узнавать! – воскликнула фэри. – Я делаю только то, о чем он просит!

– Я вижу, ты жалеешь этого мальчишку. – Он мельком взглянул на Вивиана, тщательно вытирающего зеркало. – Так все и начинается обычно. Сначала сочувствие, потом симпатия...

– Виктор, послушай, – голос девушки понизился до шепота, – но он ведь ни в чем не виноват. Я наблюдаю за ним, он действительно неплохой парень. Почему бы нам просто не оставить его жить здесь? Он может...

– Ты сама понимаешь, о чем говоришь?! – со злостью перебил ее собрат.

Идалия глубоко вздохнула, убрала за ухо влажный локон:

– Извини. Ты прав. Я не должна... – Она не договорила, туже стянула халат у горла и ушла в спальню.

Виктор проводил ее мрачным взглядом и стремительной легкой походкой, отличающей фэри, пошел к выходу. У самой двери оглянулся, посмотрел на гостя и сказал:

– Вымой морду, наконец, на тебя смотреть противно.

Вивиан в ярости сжал салфетку – на ковер потекла струйка грязной крови. Постарался дышать медленно и ровно. Обычно это помогало успокоиться. Но не сейчас.

Упав в кресло от внезапной усталости, он закрыл глаза и прижался затылком к подголовнику. «Ведь была же у меня нормальная жизнь?! – хотелось крикнуть ему. – Кем я был? Каким? И что, черт побери, этим фэри нужно от меня?!»

Мучительные размышления оборвало легкое похлопывание по щеке. Рядом, чуть наклонившись, стояла Идалия. Высушенные волосы пушистыми прядками падали на ее щеки, в прекрасных темных глазах отражалась едва заметная настороженность. Длинную шею охватывала черная бархотка с крошечным золотым подсолнухом, красивые покатые плечи обтягивала белая шелковая блузка, с глубоким вырезом.

Тонкие ноздри девушки чуть дрогнули.

«Она не знает, чего от меня ждать, – с удовлетворением понял Вивиан. – Все время насто- роже. Пытается дрессировать меня, но опасается поворачиваться спиной».

– Вив, я скоро вернусь. Будь добр, убери здесь, наконец.

– Пытаешься вышколить меня?

– Что? – ее тонкие черные брови вопросительно приподнялись.

– Сделать послушным.

Он медленно протянул руку и прикоснулся к ее шее. По сравнению с его пальцами, кожа фэри была прохладной. Девушка почему-то не отстранилась, продолжая напряженно, заворужено смотреть в его лицо.

– Ты ведь знаешь. Метод кнута и пряника. Может, хватит меня наказывать? Пора и поощрить.

Идалия стремительно отпрянула от него. Затуманенные мгновение назад глаза вдруг злобно блеснули. И тут же на сознание юноши опустилась вязкая пелена, в которой утонули все мысли и желания.

– Чтобы к моему возвращению все было готово, – приказала «госпожа» и быстро вышла из комнаты.

«Она меня заколдовала... – лениво размышлял Вивиан, вновь принимаясь за уборку. Злости не было, только покорная обреченность. – Отомстила за внезапную слабость. Ведьма...»

Когда гостиная обрела более-менее приличный вид, Вивиан зашел в ванну, чтобы умыться. Стянул испачканную рубашку, отмыл лицо и руки от засохшей крови, потянулся за полотенцем и тут на столике для кремов и лосьонов заметил книгу. Тяжелый том был переплетен в коричневую кожу. Название, выделяясь золотым готическим шрифтом, на разных языках гласило: «История киндрэт». Прежняя замороченная слабость растворилась в волне восторженного нетерпения. Вивиан схватил фолиант. Открыл. И тут же опустил руки от разочарования. Французский. Все написано на французском!

Но это все же лучше, чем ничего.

Неожиданную находку следовало внимательно изучить. Бросив на пол мокрое полотенце, Вивиан, не отрывая взгляда от пожелтевших страниц, прошел в соседнюю комнату и сел на кровать.

На первом же развороте пестрели тринадцать рисунков с подписями. Вивиану сразу бросился в глаза цветок подсолнуха. Значит, украшения Идалии не просто симпатичные безделушки, это символы ее клана. Волчья морда, корона, скипетр, кинжал с лезвием в виде змеи... «Кто же я?! Какой из этих гербов – мой?!»

– Вивиан! – пронзительный окрик, заставил его резко вскинуть голову. Фэри стояла на пороге, гневно сверкая глазами, ее грудь бурно вздымалась от частого дыхания. – Что ты делаешь в моей спальне?!

Он медленно поднялся, продолжая жадно разглядывать знаки и пытаясь прочесть названия.

– Где ты это взял?! Отдай! Ты не имеешь права...

Вивиан развернул книгу так, чтобы она видела картинки, прижал к груди кожаный переплет.

– Это гербы кланов? Цветок подсолнечника – Фэриартос. – Он ткнул пальцем в страницу, точно зная, что попадет на нужный символ. – А остальные? Я не понимаю по-французски. Ты можешь прочесть названия?

Идалия успокоилась, поняв, что он не смог ничего разобрать.

– Прочитай! – одновременно требовательно и умоляюще произнес юноша.

Фэри прикусила нижнюю губу, явно сомневаясь. Ничего преступного в том, что школяр услышит названия кланов, она не видела. К тому же, он смотрел так проникновенно. И она назвала их:

– В наше время существуют Фэриартос, Вьесчи, Асиман, Даханавар, Кадаверциан, Вриколакос и Нахтцеррет.

Он слушал очень внимательно. Беззвучно шевелил губами – повторял, чтобы лучше запомнить.

- А что с остальными?
- Погибли в древних войнах.

Идалия произнесла это небрежно, как будто не придавая серьезного значения словам. Всем своим видом показывая, что беседа о кланах всего лишь пустая болтовня. Ничего такого, за что ее могли бы осудить.

- Кто же я?

Она пожала плечами.

- Я не знаю.

– Разве это нельзя определить? Как вы узнаете друг друга? Неужели помните каждого в лицо?

Девушка раздраженно насупилась – ее начинало сердить упорство Вивиана.

- В чем отличия между кланами? Почему мне нельзя знать больше?

– Хватит. Достаточно вопросов! – она вырвала у него из рук книгу и прижала ее к себе словно щит, отгораживаясь от его назойливости. – Я ничего тебе не скажу.

- Но почему я не должен знать?!

Вязкая пелена снова накрыла его с головой. Покорность, равнодушие, полная апатия. Привычное состояние исполнительного слуги, только в глубине души тлеет искорка прежней злости.

– Сейчас мы пойдем к маэстро. Он хочет тебя видеть, – приказала фэри, высокомерно глядя на школяра.

Фрэнсис стоял у окна, за которым виднелся сельский пейзаж. Деревня, озаренная лучами полуденного солнца, пыльная дорога, стадо коров. И вновь Вивиана не удивило несоответствие между увиденным и тем, что было за стенами дома на самом деле.

Фэриартос был мрачен. Его обычное надменное равнодушие сменилось явной нервозностью. Маэстро постукивал кончиками пальцев по подоконнику и напряженно смотрел прямо перед собой, как будто прислушиваясь к чему-то.

Смерив вошедших внимательным взглядом, хозяин дома произнес:

- Он странно выглядит.

– Им трудно управлять, – поспешила пояснить Идалия. – Я держу его под магическим «Воздействием».

- Это хорошо. – Фрэнсис снова повернулся к окну и рывком задернул шторы.

– Он, по-прежнему, ничего не может, – сказала девушка, словно оправдываясь. – Совершенно ничего. Ноль. Пустое место. И если ты рассчитываешь... на что бы ты ни рассчитывал, это бесполезно. У него нет никаких способностей.

– Меня не интересуют его способности, – резко перебил хозяин особняка. – В нем есть сила, которую нужно извлечь.

- Ты думаешь, это возможно? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Да. Я собрал все артефакты. К сожалению, нет *основных*, но больше ждать нельзя. Мы и так наблюдали слишком долго.

Фрэнсис взглянул на Вивиана с явным отвращением. Затем подошел к одной из картин, висящих на стене. На огромном полотне был изображен старый дом с двумя пирамидальными тополями по обе стороны от крыльца. Мастерски, до последней трухлявой доски и пыльного стекла в окне. На фоне серых стен зелень деревьев казалась нереально яркой, свежей, живой. Вивиану почудилось, что он даже чувствует запах молодых клейких тополиных листочков.

Фрэнсис смотрел на картину чуть дольше мгновения, и та начала меняться. Медленно, со скрипом открылась покосившаяся дверь, задев длинную ветку, свисающую над крыльцом. В глубине дома загорелся робкий огонек свечи, освещая узкую лестницу, ведущую вниз.

В другое время Вивиан был бы потрясен тем, что видит. Но сейчас туман в голове не давал осознать нереальность происходящего. Фэриартос шагнул вперед и оказался *внутри* картины. Юношу слегка подтолкнули, и он вошел следом. Под ногами скрипнули разошедшиеся доски, повеяло запахом весенней листвы, пыли, холодного камня, и он оказался стоящим на серых ступенях подвала.

Вивиан хотел посмотреть, идет ли за ними Идалия, но легкая дурманящая дымка в его сознании вдруг сгустилась до концентрации густого сиропа. Мысли и желания растворились в тупом безразличии. Теперь он мог лишь бездумно переставлять ноги, спускаясь вслед за Фрэнсисом все ниже и ниже.

Когда лестница закончилась, Вивиан увидел стены, сложенные из серых плит, высокий арочный потолок и каменный пол, покрытый неровным слоем песка. Он рассеянно посмотрел по сторонам, но так и не понял, чем освещено просторное помещение – ни ламп, ни факелов не было.

Идалия стояла у выступающей из стены колонны. У другой застыл Виктор, бережно держа в обеих руках прозрачную чашу, накрытую сверху хрустальной крышкой. Казалось, что в сосуде плавает серый туман.

На полу был раскрыт дипломат, и Фрэнсис медленно, осторожно доставал из него странные предметы. Сквозь ледяное оцепенение Вивиана на мгновение пробила искорка беспокойства, но тут же потухла. Он продолжал апатично смотреть на дикие вещи, одна за другой появляющиеся на полу.

Песочные часы, перевернутые набок: в одной их половине блестела золотая пыль, в другой – мерцала черная. Идеально круглое зеркало на резной ручке. Красный сосуд с узким отверстием, из которого вырывалась тонкая струйка белого пара. Кусок папируса с изображением созвездия Ориона. Плоская дощечка, на которой нарисована рукоять кинжала. Там, где должно начинаться лезвие, была привязана живая змея – тонкий кожаный ремень плотно прижимал ее тело к деревяшке, аспид кусал его, пытаясь освободиться, бил хвостом, разбрасывая песок, и громко шипел.

«Знаки кланов, – внезапно понял Вивиан. – Я видел в книге этот ритуальный кинжал с лезвием в виде атакующей змеи. Все остальные предметы – тоже символы».

Фрэнсис поднялся, и медленно, нарастав, произнес фразу на неизвестном Вивиану языке.

«Он читает какое-то заклинание... – голова пленника закружилась, сверху на него упала мягкая удушающая сеть. – Нужно защищаться, попытаться сбросить сонную одурь...» Но сил не было. Колени подогнулись, и тело медленно осело на пол. Ледяная плита коснулась щеки и виска, мелкий песок покрылся крошечными кристаллами инея. Дыхание вырвалось изо рта белым облачком, а змея, извивающаяся на земле в полуметре от лица Вивиана, замерла, и чешуйки ее кожи затянуло тонкой корочкой льда...

А потом его солнечное сплетение резанула острая боль. Он почувствовал жар в ладонях и вдруг увидел над собой взметнувшуюся темную тень.

– Фрэнсис, остановись! – прозвучал встревоженный, почти испуганный голос Идалии.

– Стой! – крикнул Виктор, и тут же его крик взвился до громкого вопля, а затем резко оборвался. Взвизгнула, словно от боли, девушка, послышался глухой удар, хриплый стон...

Вивиан увидел, как шею Фрэнсиса захлестнула черная петля. Тот боролся, пытаясь сбросить ее, но она затягивалась все туже.

Свет погас. Вивиан медленно повернулся на спину, чувствуя, как хрустит под ним смерзшийся песок, и закрыл глаза. Последнее, что он слышал, был громкий стеклянный звон. Сверху посыпались мелкие осколки. Должно быть, лопнуло зеркало. Или песочные часы...

Глава 6

Неприятное известие

У природы, конечно, благие намерения, но, как однажды сказал Аристотель, она не в состоянии воплотить их в жизнь.¹²

7 декабря

Миклош ненавидел дурную погоду и, судя по всему, этот декабрь обещал оправдать его наихудшие ожидания. По мнению господина Бальзы, в сугробах, которые выросли буквально за несколько дней, при должном желании, можно было без труда похоронить целое стадо мамонтов, а лютый холод и бесконечный снегопад могли доконать кого угодно.

Ни один сезон года не раздражал тхорнисха так, как зима. В особенности, если эту зиму приходилось проводить в ненавистном промерзшем городе, разительно отличающемся от его любимой Праги. Тягучие воды Влтавы, дарующие тяжелый туман, узкие улицы, черное небо и гораздо более мягкий климат прежней резиденции располагали к себе главу Золотых Ос. Столица, с ее свирепыми морозами, обледеневшими карнизами и завывающей метелью – вызывала глухую тоску. Но из-за кадаверциан о прежнем доме пришлось забыть навсегда. Прага стала недоступна для кровных братьев, и нахттотеру пришлось перебраться в место, которое он считал мерзкой глухой дырой и от души презирал. Со временем небольшой городок превратился в мегаполис, косые переулки стали ослепляюще яркими ночными проспектами, но Миклош, по-прежнему, видел вокруг лишь удручающую беззвучицу.

Сегодня ситуация усугубилась еще и раздражением – последние недели в этой чертовой обители Основатель знает что творилось.

После ритуала Витдикты все кровные братья легли на дно. На памяти тхорнисха последний раз такое было больше двадцати лет назад, когда погибла Флора, и семьи ожидали, что клан Смерти объявит войну клану Леди.

«Теперь обстоятельства гораздо запутаннее, и даже Вриколакосы не кажут носа из своих ненаглядных лесов. Поджали куцые хвосты и стучат зубами от холода под какой-нибудь елкой, морозя несчастных блох. – Миклош презрительно улыбнулся, но тут же нахмурился. Родичи Иована, по его мнению, были, конечно, теми еще тварями, но в чем он им не отказывал – так это в зверином чутье. – А раз дворняги не твякают, значит, наступают тяжелые времена».

Нахттотера беспокоило, что нелегкую пору, похоже, чуяли не только любители лесных лужаек. Фэриартос, забыв о разгульной богемной жизни, расползлись по домам. Асиман на время прекратили дерзкие вылазки по охоте за человеческим материалом. Даже Вьесчи стали осторожнее вести игру на бирже, поспешив перевести часть своих фондов за границу. Если уж сам Рамон, старый лис-интриган, счел, что ступил на тонкий лед, то и Золотым Осам не грех поостеречься.

Миклошу никак не удавалось выкинуть из головы Дарэла вместе с человеческим щенком. Эта парочка сыграла серьезную роль в переменах – клан Смерти вновь оказался на шахматной доске. Теперь ход за Кристофом, который столько лет не подавал признаков жизни, но, кажется, наконец-то очнулся от спячки. Кадаверциан не испугался провести ритуал, каким-то чудом остался жив – значит, не успокоится и в дальнейшем.

Миклош потянулся, разгружая спину от долгого сидения в кресле.

¹² Оскар Уайльд. Упадок лжи.

Как все заблуждались, считая, что после Праги и опустошительной войны с Лудэром некроманты навсегда сошли со сцены большой клановой политики!

Ко всем неприятностям года добавилось исчезновение Йохана. Поначалу Бальза не придал этому обстоятельству особого значения. Птенец и раньше иногда пропадал на некоторое время, не удосужившись никого предупредить. Если дела клана требовали личного присутствия Чумного, тот мог сорваться и улететь: в Южную Америку, чтобы разобраться с контрактом вьесчи, или в Восточную Европу, для координации работы человеческих наемников. Но всегда, при любых обстоятельствах, Йохан звонил, как только оказывался на месте. Однако на этот раз прошло уже достаточно много времени, а от него не было никаких вестей.

Странное исчезновение помощника вызывало тревогу. Он не был безответственным, да и забывчивостью никогда не страдал. Судя по всему, произошло нечто экстраординарное.

Наконец, Миклош потерял терпение и совершил абсолютно нехарактерный для себя поступок – решил позвонить первым.

Выдвинув нижний ящик стола, господин Бальза запустил в него руку и, не глядя, достал мобильный. Абонент оказался недоступен. Это привело нахттотера в ярость, и несчастный телефон, жалобно пискнув, был раздавлен в ладони. Его останки полетели в мусорную корзину.

– Роман!

Личный слуга главы, одновременно исполняющий функции дворецкого и управляющего помещением, настороженно вошел в кабинет.

– Вы звали, нахттотер?

– Разумеется, звал! Найди Рэйлен. Пусть придет. Она мне нужна. Немедленно!

Дворецкий с тоской оглянулся на недосыгаемую дверь и остался стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу.

– В чем дело? – нахмурился Миклош. – Ты разве не слышал, что я сказал?

– Слышал, но...

– Но?! – голубые глаза тхорнисха нехорошо прищурились. – Какое еще такое «но»?!

– Рэйлен нет в «Лунной крепости». Она ушла в тот же день, что и Йохан, – выпалил Роман и застыл в ожидании бури.

Однако ее не последовало.

Господин Бальза сдержался и, откинувшись на спинку кожаного кресла, спросил неожиданно мурлыкающим голосом:

– И отчего же я узнаю об этом только теперь?

– Я не думал, что ее отсутствие так важно, нахттотер.

– Тебя держат не для того, чтобы ты думал! А для того, чтобы исполнял! – заорал тхорнисх, мгновенно приходя в бешенство. – Они отправились вместе?!

– Я не знаю, нахттотер.

– Так узнай!! Опроси солдат, которые в ту ночь были на воротах! Почему я должен тебе все разжевывать?!

– Сейчас же займусь этим, нахттотер.

– Стой! Проверь их комнаты. Мне нужно знать, взяли ли они с собой какие-нибудь вещи. Не спи на ходу, словно голодный крысод! Быстрее! Шевелись!

Роман испарился, только его и видели. Миклош задумчиво прикусил губу.

Йохан исчез, прихватив ученицу.

Гром и молния! Что ударило в головы этим двум умникам?!

Рисовать не хотелось. Впрочем, как и читать или музицировать. Поэтому господин Бальза решил прогуляться.

Одевшись потеплее, он выбрался на улицу, и порыв ветра тут же швырнул в лицо колючую мерзость. Рассерженно фыркнув, Миклош натянул на голову капюшон, спрятал руки в

карманы и, ссутулившись, быстро пошел по одной из дорожек в сторону правого крыла «Лунной крепости». Часовые у гаражей, заметив главу клана, испуганно дернулись, но тот лишь угрюмо кивнул в ответ на их приветствия.

Сразу за вертолетной площадкой начинался старый английский парк. Здесь тропинки, несмотря на то, что их совсем недавно чистили, опять запорошило снегом. Ботинки на толстой подошве безжалостно давили тысячи снежинок, и Миклош сделал себе отметку по возвращении купить одну, а лучше сразу две снегоуборочные машины. Лопаты в таком климате совершенно бесполезны.

Он миновал заснеженный зеленый лабиринт и оказался возле старинного фонаря, где тропа была еще более запорошенной, чем везде. Чертыхаясь и по щиколотку проваливаясь в снег, Миклош направился к комплексу оранжерей.

Он не приходил сюда с тех самых пор, как трое щенков вриколакосов бесцеремонно ввалились на территорию. Иовановские ублюдки развалили почти все, до чего смогли дотянуться их немытые лапы: большая часть посадок оказалась уничтожена, стеклянные стены разбиты, гидропонная и климатическая системы разлажены. А бесценные орхидеи, лучший селекционный материал, труды господина Бальзы за последние шестьдесят лет, отправились волкам под вшивый хвост – капризные тропические цветы не пережили резкого перепада температуры.

Тхорнисх с мрачным лицом начал медленно обходить развалины.

– Нахттотер! Нахттотер! – со стороны особняка, сломя голову, бежал машущий руками Роман.

Миклош неодобрительно нахмурился. Дворецкий, конечно, порой вел себя как настоящий недоумок, но до этого дня никогда не выбирался на мороз в одной рубашке и тонких брюках. Что могло случиться за время его отсутствия?

– Нахттотер! Йохан возвращается! – выпалил запыхавшийся дворецкий.

– Да ну? – тонкие ноздри тхорнисха затрепетали от бешенства, и он тут же забыл об оранжереях.

В холле Миклош бросил куртку Роману и, поднявшись по центральной лестнице, прошел в кабинет. Дождаясь Чумного, господин Бальза задумчиво крутил большой глобус, сделанный в семнадцатом веке. Перед глазами проносились темно-желтые материки, светло-серые моря и нарисованные на полюсах мифические морские животные.

Самый толстый и противный кракен напоминал тхорнисху Фелицию. У очаровательной леди тоже были многочисленные щупальца, которыми она пыталась захватить все, что плохо лежит.

В дверь постучали, и тут же, не дожидаясь приглашения, в кабинет ввалился Йохан. За ним осторожной кошкой кралась Рэйлен.

– Соизволив придти, вы оказали мне огромную честь, господа, – ележным голосом проворковал глава клана.

– Нахттотер, у нас были серьезные причи...

– Молчать! – взревел тут же утративший всякое благодушие господин Бальза. – Где вас носило?! И почему... ого!

Миклош оторвался от глобуса и увидел, в каком состоянии пребывают Чумной и Рэйлен. Бледные, с синими губами и выступившими вокруг глаз ужасающими черными кругами. Красные белки, суженные зрачки, из-под ногтей сочится кровь. Оба походили на поднятых из могил зомби.

– Снимайте эту рвань и садитесь! – Миклош кивнул на перепачканные копотью, кровью и грязью кожаные плащи.

Подчиненные выполнили приказ и облегченно упали в кресла.

Склонившись над напряженной Рэйлен, Бальза резко втянул в себя воздух, ощущая легкий запах гиацинтов. Затем внимательно изучил алые белки Йохана и его кровоточащие пальцы.

– Кто бы мог подумать! «Поцелуй Медузы»! Где это вы умудрились нарваться на заклинание Лигаментиа?! Да еще столь... противоестественного исполнения? Если не ошибаюсь, здесь присутствует кое-что из знаний тхорнисхов. Неужели вы, идиоты, нашли что-то из старых свитков и решили попрактиковаться друг на друге? Эй! Рэйлен! Не смей спать, иначе умрешь! – он сильно ударил девушку по щеке. – Дождись противоядия.

Подойдя к сейфу, Миклош извлек несколько склянок и занялся смешиванием кровавого коктейля.

– Вам крупно повезло, вас едва задело. В противном случае... – он заметил, что Рэйлен бьет сильная дрожь. – Холодно, цыпленок?

– Да, – стуча зубами, ответила та.

– Печально, – без всякого сочувствия в голосе произнес нахтототер. – Твоя нервная система находится в крайне бедственном положении.

Ландскнехт хмуро сдвинул брови и взял бокал. Рэйлен заколебалась, и господин Бальза прикрикнул на нее:

– Это не угощение, а лекарство! Пей! Йохан, я жду объяснений!

Чумной залпом выпил кровь и вытер усы тыльной стороной ладони:

– Один из осведомителей сообщил мне, что видел в Столице чужака. Тхорнисха.

– И у тебя не нашлось времени, чтобы сообщить об этом мне. Очень интересно, – без всяких эмоций произнес Миклош, наблюдая, как розовеют губы Рэйлен.

Ландскнехт пошевелился, заставив кресло жалобно застонать:

– Мы пошли по горячим следам и очень быстро выследили его. Скрутить ублюдка не составило большого труда, но затем появился еще один...

– Тот, что так удачно «поцеловал» вас?

– Да. Он убил своего же и ушел.

– Ты узнал его?

– Никогда раньше не видел. Но, встретив второй раз, не ошибусь. Темноволосый. Неприметный. На правой руке нет половины мизинца.

– Какая встреча... Альгерт... – растягивая слова, произнес Миклош. – Жаль, что когда-то я ограничился лишь частью его пальца. Надеюсь, ты сейчас не расстроишь меня тем, что испытание на собственной шкуре нового заклинания – это все, чем закончилась ваша неосмотрительная вылазка?

Йохан помрачнел и осторожно, пробуя на вкус каждое слово, объявил:

– Послезавтра в Столицу прибудет Хранья. Я знаю примерное время.

Бальза аккуратно взял с края стола нож для бумаги.

– Мне разобраться с этим делом? – поинтересовался Йохан.

– Нет. Ступайте. У вас мало времени для того, чтобы вернуть форму. Через два дня вы мне понадобитесь.

Когда дверь за телохранителями закрылась, Миклош вновь крутанул огромный глобус. Задумчиво посмотрел на него, а затем ударил по нарисованному кракену-Фелиции, развалив бесценную антикварную вещь на две рваные половины.

Глава 7

Близнецы

*Семья – это такая обуза, особенно если ты не женат.*¹³

9 декабря

Чтобы скоротать ночь, господин Бальза отправился в библиотеку.

Книги – это было единственное, что хоть как-то примиряло тхорнисха с существованием людей. Конечно, среди бесконечного литературного многообразия встречалось немало бредовых томов, читать которые постыдилось бы любое мало-мальски разумное существо. Но находились и подлинные шедевры мысли. Включая первые издания, рукописи, а также дневники тех, кого человечество давно причислило к гениям, тиранам или лику святых.

За каждый из тех ста сорока тысяч томов, что находились в библиотеке нахттотера, истинный букинист продал бы в рабство не только себя, но и свою семью.

Господин Бальза был не первым, кто начал собирать эту потрясающую коллекцию. Он лишь продолжил и систематизировал ее. Самые древние экземпляры принадлежали наставнику молодого маркомана – Луцию Фабию Максиму.

Именно от него не умеющий читать юноша узнал, сколько прекрасного, тайного и важного хранят в себе непонятные прежде значки. Росчерки атлантов, иероглифы древних египтян, критское письмо, шумерская и эламская клинопись, орхонские руны, арабская вязь, фестский язык, этрусский алфавит, прекрасная певучая латынь и таящий в себе магию древнегреческий. Благодаря книгам, некогда узкий темный мирок сына полудикого племени расцвел, заиграл красками и навсегда изменился...

Миклош отвлекся от дневника Теодориха Равенского, услышав шаги за дверью. Створки распахнулись, и в библиотеку вошла Рэйлен. На этот раз вместо обычной черной кожи на девушке были порядком потертые джинсы, черная водолазка и зимние сапоги на высоких каблуках. Выглядела она совершенно здоровой, словно несколько дней назад ее не касался «Поцелуй», и держала в руках переплетенный в коричневую замшу том.

– Нахттотер, простите. Я просто хотела вернуть книгу.

– Поставь на место, – сквозь зубы разрешил Миклош, не слишком довольный тем, что ученица Йохана отвлекла его.

Рэйлен осторожно пристроила фолиант рядом с сотнями других и, поколебавшись, произнесла:

– Нахттотер, позвольте спросить?

Тхорнисх заложил пальцем страницу:

– Попробуй.

– Все, что тут написано про Хранью – правда?

– Правда?! – Миклош фыркнул. – Что есть правда? Ее не существует. Выражаясь словами Александра Фэриартоса, это эфемерное понятие. Оно слишком нестабильно и хрупко, чтобы опираться на него во время диспутов. В споре нужна хитрость и сила, но никак не правда. Что до твоего вопроса, то рассказанное на этих страницах – имело место быть. Еще вопросы?

Девушка занервничала и спрятала руки в карманах куртки.

– Вы... убьете ее?

¹³ Оскар Уайльд. Вера или нигилисты.

Нахттотер нехорошо прищурился, и его глаза потемнели. Но голос не изменился:
– Ступай. Расшевели Йохана. Проследи, чтобы подогнали машину.

От любимого комфортабельного лимузина пришлось отказаться. В другое время подобное обстоятельство доставило бы Миклошу массу неудобств, но сейчас он был слишком занят мыслями о приезде сестры, чтобы думать о своих капризах.

Йохан ждал в холле. При появлении главы клана, ландскнехт снял с вешалки любимое пальто Бальзы, но тот отрицательно качнул головой:

– Мы не на бал к мормоликаям едем. Куртку.

Одеваясь, тхорнисх провозился с молнией дольше обычного, и открыл было рот, чтобы наорать на стоящего без всякого дела Романа. Но тут же со злостью одернул себя. Пока Хранья рядом, он не должен терять голову по таким пустякам.

– Все готовы, нахттотер. Солдаты ждут.

– Никаких солдат! – последовал резкий ответ. – Обойдемся без сопровождения. Отзови их. Поедем втроем.

Йохан недовольно нахмурился, однако кивнул. Задержав дыхание словно ныряльщик, Миклош отправился в снежную ночь следом за телохранителем.

Перед крыльцом стоял внедорожник.

– Сколько у нас времени?

– Чуть больше часа. – Йохан залез в салон сразу за нахттотером и развалился на переднем пассажирском сиденье, доверив управление Рэйлен.

– Поехали. И включите печку, здесь холодно.

– Здесь не печка. Здесь климат...

– Мне без разницы, как это называется. Сделай так, чтобы стало теплее.

Несмотря на позднее время, кольцевая была забита машинами, и какое-то время тхорнисхам пришлось ползти в общем потоке. Это действовало на нервы Миклошу, но он молчал. Даже Рэйлен не попало за включение магнитолы и выбор попсовой радиоволны.

Лишь выбравшись на трассу, ведущую в крупнейший столичный аэропорт, они помчались в гордом одиночестве. Вновь начался снегопад. С неба сыпались мелкие, точно просо, колючие снежинки, а потом их сменили тяжелые белые хлопья. «Дворники» замельтешили по ветровому стеклу.

– Рейс из-за погоды не отменяют? – тихо поинтересовалась Рэйлен.

Йохан, работавший на портативном компьютере, лишь пожал плечами.

Хмурый Миклош пальцем нарисовал на стекле только ему видимую рожицу. Немного подумал и добавил ей осьминожки щупальца. С удовольствием полюбовался получившейся Фелицией, стер ее одним движением. Порылся в карманах, достал чистый носовой платок, тщательно вытер руки.

Наконец показалось огромное здание Международного аэропорта, и в то же мгновенье, словно по волшебству, снегопад закончился.

– Куда нам? – девушка сбросила скорость.

– Шестнадцатые ворота, – пророкотал Йохан, глядя на часы.

В небо, ревя турбинами, ушел тяжелый, похожий на кита «Дуглас», и господин Бальза проводил его задумчивым взглядом. Он не любил летать и ни разу в жизни не поднимался в воздух – не доверял воздушным машинам, предпочитая более приземленные виды транспорта. А вот сестра выбрала для своего первого визита в Столицу самолет. Как оказалось, они слишком отличаются друг от друга. Жаль, что он чересчур поздно это понял.

Рэйлен припарковала машину рядом с шестнадцатым ангаром, где не принимали лайнеры крупных компаний и обслуживали только небольшие частные самолеты.

– Не нервничай так, цыпленок, – одернул Миклош ученицу Йохана, заметив, что девушка мертвой хваткой вцепилась в руль.

– Простите, нахттотер, – она заставила себя расслабиться. – Что мы будем делать, когда они появятся?

– Увидим их, разумеется.

– А... затем?

– Чрезмерное любопытство когда-нибудь сыграет с тобой дурную шутку, – нахмурился тхорнисх. – Прояви терпение.

К выходу из здания терминала подъехали микроавтобус и легковой автомобиль.

– А вот и встречающая делегация, – любезным тоном проворковал Бальза.

– Машины Даханавар?! – прошипела Рэйлен.

– Что и требовалось доказать. А вот и Альгерт. Зря он вернулся, – Миклош разочарованно цокнул языком. – Зря.

Личный помощник Храньи скрылся в здании аэропорта.

– Он сильный маг, – выдал свою оценку Йохан.

– Разумеется. Рыцарь без страха и упрека, подобранный моей сестрой в какой-то навозной яме на севере Италии. Жаль, что я не вырвал ему глаза, когда у меня была такая возможность.

Мимо проехала патрульная полицейская машина, затем пустое канареечное такси. За высоким стальным забором прогревал двигатели самолет, насилуя безупречный слух главы клана Золотых Ос ужасающими звуками.

– Он возвращается! – встрепенулась Рэйлен.

Миклош впился взглядом в лица выходящих из здания кровных братьев. Он помнил каждого из тех, кто много лет назад встал на сторону Храньи.

– Их четырнадцать, – глухо произнес Йохан.

– Значит, где-то должны быть еще трое, – процедил Бальза.

И в этот момент Рэйлен изумленно охнула, бросая быстрый взгляд на господина Бальзу. Она не думала, что появившаяся в воротах ангара девушка окажется настолько похожей на Миклоша.

– Мы близнецы, цыпленок, – криво улыбнулся тхорнисх.

Невысокая, Хранья казалась очень хрупкой. Тонкие черты лица, светлые волнистые волосы и пронзительные голубые глаза навевали воспоминание о Снежной королеве. Волевые и решительные губы были лишены капризных изгибов, свойственных губам Бальзы. Слишком легкая для зимы одежда: штаны цвета хаки, едва достающая до талии серебристая курточка, распахнутая на груди. Под ней – тонкая блузка. За плечами висел небольшой рюкзачок, сшитый из кожаных лоскутков.

Не глядя по сторонам, привлекательная блондинка быстро дошла до легковой машины, и Альгерт распахнул перед ней дверь.

– Мне ехать за ними? – Рэйлен неуверенно протянула руку к ключу зажигания.

Миклош, видевший сестру всего лишь неполную минуту, отрицательно покачал головой:

– Нет. Они будут настороже. Я не собираюсь всю ночь провести в машине, наблюдая, как зайцы путают следы. Слежкой займутся люди. Йохан, распорядись.

Чумной набрал номер и отдал несколько коротких приказов.

– Домой, – велел Миклош.

Вновь пошел снег, и всю дорогу нахттотер смотрел, как на ветровое стекло падают крупные снежинки. Они напоминали ему жалкие человеческие жизни. Смертные тоже гибнут при малейшем прикосновении и растворяются в вечности, словно их и не было. Тхорнисх давно забыл, как выглядели его родители. Но прекрасно помнил то время, когда играл с сестрой на берегу Дуная. И почти так же хорошо помнил своего учителя...

Он подарил им вечную жизнь, поставил выше человечества, превратил в богов.

Луций Фабий Максим.

Римлянин.

Один из тех, кого так ненавидели маркоманы.

Во времена молодости Бальзы дунайская граница вдоволь напилась римской крови, а Аквилея и Опитергий¹⁴ заплатились за гордость императора Марка Аврелия.

Миклош и Хранья с молоком матери впитали ненависть ко всему, имевшему хоть что-то общее с Великим городом. Но юному маркоману пришлось гораздо труднее, чем его сверстникам. В отличие от них, природа обделила будущего нахтотера силой и статью. Он так и не смог стать воином.

Возможно, появившись Миклош на свет в одиночку, без забравшей часть его сил сестры – вся жизнь юноши сложилась бы по-иному. Но даже во времена молодости и детских обид господин Бальза ни в чем не винил Хранью.

Тогда – она была частью его самого. Одна душа в двух телах.

Никого не пугало и не удивляло, что они могут ощущать друг друга даже на расстоянии. Их способности воспринимались как должное, ведь близнецы у маркоманов всегда считались избранниками богов.

В год пятнадцатилетия к словам подростков стали прислушиваться жрецы и военные вожди. А затем настал час, когда ни одно важное решение не принималось без одобрения брата и сестры.

Слава о тех, чьими устами говорят боги, прокатилась по землям и достигла ушей Луция.

Миклош и Хранья были обращены.

Римлянин не ошибся в своем выборе. Его воспитанники оказались истинными тхорнисхами. Не только по крови, но и по духу. Верные помощники, преданные дети.

Магический потенциал сестры оказался намного слабее, чем у брата. Но это не помешало ей стать любимой ученицей. Он сам занимался обучением близнецов. Научил их читать, писать, рассказал правила и открыл сокровенные тайны магии Тления.

Время шло. Практически незаметно пролетели несколько веков. И все было хорошо, пока не пришли дети Лигаменты и не потребовали от тхорнисхов долг, восходящий к временам самого Основателя.

За спасение клана Луцию пришлось заплатить жизнью.

Тхорнисхи оказались целиком и полностью подчинены Десяти Гласам – совету старейшин, в котором главным всегда был учитель близнецов. С его гибелью началась жесточайшая борьба за власть, в которой за неполные двадцать лет внутриклановой войны было уничтожено почти семьдесят процентов братьев.

Но ни один из старшего поколения не взял в расчет Миклоша с Храньей. Десять слишком боялись возвышения друг друга, чтобы обратить внимание на юных учеников Луция.

Однако, когда слабые были уничтожены, а выжившие сильные оказались ослаблены схваткой – близнецы нанесли удар. Их сил хватило, чтобы убить конкурентов, и брат с сестрой получили всю власть над уцелевшими Золотыми Осами.

Им пришлось избавиться от тех, кто поддерживал старейшин и желал возрождения Десяти. На место древних тхорнисхов пришло новое поколение. Для клана наступила новая эра, в которой от прошлого остались только воспоминания, да записи в архивах.

¹⁴ Аквилея – крепость на территории Италии. Была осаждена объединенной армией маркоманов, квадов и гермундуров. Опитергий – римский город, разрушенный маркоманами в 169 году н.э.

Первые противоречия между близнецами возникли к концу второго века общего правления. Мелкие разногласия постепенно перерождались в конфликт, тот рос, точно снежный ком... Брат с сестрой постоянно спорили о том, как следует управлять кланом.

Миклош жаждал изменить семью, увести ее от прежних тхорнисхов как можно дальше. Забыть то, к чему стремился Луций. Бальза свято верил, что Заветы Основателя, почитаемые учителем, не подходят для преображенных Золотых Ос. Он требовал забыть старые правила, кодексы, союзы и клятвы, непосильным грузом повешенные на шею предыдущими поколениями. «Цель тхорнисхов в величии, – утверждал Миклош. – Мы не должны оставаться на вторых ролях в мире киндрэт. Клан Нахтцеррет обязан возвыситься над остальными братьями и, разумеется, людьми. Для того, чтобы выжить и занять ведущую позицию – следует стать агрессивным. Быть жестче. Воспитать поколение воинов. Клан обязан меняться с такой же скоростью, как меняется мир».

Позиция Храньи была более консервативна. Она считала, что любые резкие изменения извращают идеи. Коверкают замысел Основателя и предают память об учителе. Девушка утверждала, что сбросить старую шкуру и надеть новую очень непросто. Нереально закрыться от мира и считать всех окружающих врагами. «Изоляция приведет к гибели семьи, – повторяла Хранья. – Замкнувшись только на себе, мы потеряем знание и будем отброшены назад. Похоронить заветы предков, значит нарушить разумную структуру развития, одобренную и подтвержденную веками существования».

Они спорили часами, а затем неделями не разговаривали. Следом наступал хрупкий мир, но стоило Миклошу осуществить очередную свою задумку, как близнецы вновь сталкивались лбами.

Наконец, Хранье надоело бороться со строптивым братом. И впервые в жизни она отступила. Господин Бальза был рад, что бесконечные пререкания завершены, и ему больше не будут мешать. Нахттотеру нравилось принимать решения самостоятельно.

Однако девушка лишь сделала вид, что сдалась. Миклош доверял сестре и ни на мгновение не заподозрил ее. Но для нее клан оказался важнее, чем брат. Хранья организовала заговор.

Чтобы осуществить задуманное, ей понадобилось много лет. И все эти годы приходилось проявлять терпение и закрывать глаза на действия реального главы клана. Пережить это было непросто, но она справилась. Хранья занималась обучением принятых в клан новичков до тех пор, пока вокруг нее не сплотилась группа преданных учеников.

Из-за жестокой и неразумной политики с тхорнисхами разорвали отношения обожаемые Храньей Кадаверциан. Вольфгер Владислав, с которым ее связывали дружеские отношения, больше не хотел иметь дел с Миклошем. Он не одобрял его действий и не собирался поддерживать Золотых Ос. Бальза, в отличие от сестры, плевать хотел на мастера Смерти.

Хранья пыталась уговорить брата. Умоляла его восстановить Гласы, помириться с соседями, вновь стать такими, как прежде. Он, в ответ, убеждал ее, что следует забыть о прошлом и не мешать ему делать то, на что у нее не хватает смелости.

В ту ночь они страшно поругались, и сестра ушла в слезах. Как стало ясно позже – лишь для того, чтобы поднять восстание...

Но никто из бунтовщиков не ожидал, что нахттотер окажется настолько силен. Одних предателей он размазал по стенам, других казнил, выбросив на солнце, а сестру, с немногочисленной толикой ее выживших сообщников, отправил в изгнание.

Под страхом смерти им было запрещено возвращаться обратно, а также общаться с другими кланами и создавать чайлдов. Но пятьдесят лет назад присматривающие за ними соглашения оказались убиты. А мятежники исчезли.

Нахттотер перевернул всю Европу, но не нашел следов сестры. Хранья отлично спряталась.

Рыцарь ночи злобно скрипнул зубами. Погрузившись в воспоминания, он не заметил возвращения в «Лунную крепость». Машина стояла возле крыльца, Рэйлен скучала, не решаясь выключить двигатель. Ландскнехт, похоже, вышел через сотовый в интернет и напряженно искал какую-то информацию, а Роман мерз на улице, ожидая, когда глава клана соизволит выйти.

– Йохан. Как только узнаешь, где они остановились – сразу ко мне. В любое время.

– Разумеется, нахттотер.

Миклош хмуро стукнул костяшками пальцев по стеклу, и расторопный Роман тут же открыл дверь автомобиля. Не обратив на слугу внимания, господин Бальза направился к дому. На душе у него было беспокойно.

Глава 8

Новая семья

Только поверхностные люди не судят по внешности.¹⁵

13 декабря

Дарэл Даханавар

Я очнулся.

Кончики пальцев застыли. Ледяной озноб поднимался вверх по ладоням, предплечьям, колот плечи и скатывался вниз по спине. Было настолько холодно, что я перестал чувствовать ступни ног. В темноте слабо горела маленькая лампочка над дверью и отсвечивала зеленой жидкостью, в которой лежал Вивиан. Его рука с посиневшими от холода ногтями крепко сжимала край резервуара. Словно кадаверциан хотел выбраться наружу и не мог.

– Кристоф, – прошептал я, с трудом двигая онемевшими губами. – Крис.

Казалось, ментальные нити, соединяющие меня с Вивом, смерзлись до состояния стальной проволоки, а его сущность, медленно перетекающая в мою память, превратилась в кусок льда. Мой выдох вырвался облаком пара.

– Крис!

Дверь распахнулась, на пол упала полоса яркого света, я услышал испуганно-удивленный возглас, потом быстрые шаги, а спустя мгновение знакомый голос раздраженно произнес:

– Сэм, я тебя убью. Сколько раз можно повторять, что ты должен быть здесь постоянно!

– Но я думал... – вяло мямлил провинившийся.

– Лучше бы я оставил Лориана. От него больше толку! Отойди, не путайся под ногами. Дарэл. Дарэл, ты меня слышишь?

Хмурое лицо Кристофа выплыло из темноты, и я прошептал:

– Холодно... ему холодно...

– Сейчас станет теплее.

Повернув голову, я увидел, как колдун подходит к ученику и поит его своей кровью. Температура в помещении немного поднялась. Дыхание уже не смерзалось, пальцы Вивиана, вцепившиеся в край ванны, расслабились, рука скользнула по стеклу, снова погружаясь в «ихор».

– Да тут дуба можно дать! – негромко сказал Сэм. Он стоял у стены, наблюдая издали, опасаясь сердить учителя своим присутствием, но не в силах преодолеть любопытство. – С чего это вдруг?

– Один из признаков магического воздействия, – задумчиво сказал Кристоф, внимательно рассматривая лицо Вивиана, – и тебе, Сэми, давно уже пора бы его знать.

– Крис... – говорить было трудно, одна часть моего сознания вместе с умирающим кадаверцианом плавала в черном беспмятстве, другая – пыталась осознать то, что я увидел в прошлом.

– Он хочет что-то сказать. – Сэм стал приближаться ко мне, далеко обходя резервуар с Вивианом.

¹⁵ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Я вызвал в памяти подземелье и предметы, лежащие на полу. Картинка прыгала, искажаясь, по ней шли полосы и рябь. Но Кристоф должен был разобрать...

– Хватит, Дар. Я понял.

Я открыл глаза. Мрачный мастер Смерти стоял рядом, глядя на меня и как будто не видя.

– Это Малый круг, – произнес он, наконец.

– Что? – подал голос Сэм. – Какой круг?

На этот раз колдун не обратил внимания на очередное проявление невежества ученика. И сказал, обращаясь больше ко мне, чем к нему:

– Частично вещественные символы кланов используются в некоторых ритуалах... Использовались раньше. Очень давно.

Кадаверциан поднял руку, машинально рисуя в воздухе невидимый узор.

– Расположенные определенным образом, они могут оказывать колоссальное воздействие. Из Вивиана пытались вытянуть силу с помощью нескольких древних артефактов и пары новых. Змея, пришпиленная к доске. Оригинально... но бессмысленно. – Движением кисти колдун «стер» несуществующий узор. – Только Большой круг способен вобрать в себя всю мощь. Для этого нужна кровь тринадцати представителей кланов, а еще лучше их живые, но обездвиженные тела. И символы. Настоящий анта Лудэра, настоящий волк – средоточие силы Вриколакосов, настоящий призрак, а также – крест Основателя, ритуальное жало Тхорнисх... Подлинные, а не их жалкие подобию.

– Как же добыть Орион? – вмешался в размышления Кристофа Сэм.

– Через сложную систему магических линз. Созвездие будет отражаться в зеркале, лежащем на полу... Ладно. Все. Сэмюэл, иди, займись делом. Я сам здесь побуду.

Когда дверь за учеником закрылась, Крис сел в кресло рядом со мной:

– Не нравится мне это, Дарэл. Совсем не нравится. *Читай* дальше. А я буду думать.

Я закрыл глаза, пытаясь расслабиться. Холод постепенно уходил из лаборатории, дышать стало легче. И мои ощущения вновь растворились в памяти молодого кадаверциана...

Было прохладно. Накапывал мелкий дождь. В лужах отражались горящие фонари. Вивиан стоял на тротуаре, глубоко засунув руки в карманы куртки, и смотрел в окна высотки. Он не помнил, как оказался на этой улице. Последнее что осталось в памяти – потайная комната в особняке фэри, холод и змея, примерзшая к земле. Остальное таяло в черноте...

Кем бы ни был тот, кто пытался провести странный ритуал, он оказался мертв. А Вивиан – свободен.

Он глубоко вдохнул свежий воздух. Запрокинул голову, глядя на небо. Свобода. Только что с ней делать? Загадочная темная половина была счастлива и готова вопить от восторга, а Вивиану на мгновение стало неуютно под этим огромным небом, затянутым тонкой пеленой облаков. Он знал, что до восхода необходимо найти убежище. И надо поесть.

Беглец быстро шел по улице, внимательно глядя по сторонам, но больше не наслаждался красотой разноцветной ночи. Искал, прислушивался. *Охотился*. Странное состояние. Непривычное. Он делал то, что нужно, не задумываясь, не обращаясь к логике, на уровне инстинкта.

Вдалеке показались гаражи. Дверь самого крайнего была распахнута, на стене светила длинная белая лампа. Внутри, возле машины, возился мужчина в засаленной куртке. Черты хался, копаясь в моторе.

Вивиан медленно, бесшумно приблизился и, когда человек выпрямился, опустил руку ему на плечо, рывком разворачивая к себе. Тот вздрогнул от неожиданности, взглянул в лицо вампира, и тут же глаза его закатились, а безвольное тело съехало на капот «жигулей». «Охотник» рывком распахнул куртку на его шее и погрузил клыки в артерию. Всего несколько глотков. Не убивать.

Кровь была теплой, сладкой и такой головокружительно вкусной, что оторваться от жертвы стоило большого труда. Две ранки затянулись за несколько секунд, осталось только красное пятно, как будто кожу на шее мужчины натер слишком узкий воротник. Придерживая бесчувственное тело, Вивиан открыл дверцу машины, осторожно опустил жертву на сиденье водителя и быстро вышел из гаража.

Свобода приобрела новый, неожиданный вкус.

Ни угрызений совести, ни сомнений. «Я уже вряд ли человек, – размышлял он, быстро удаляясь, – хотя еще чувствую себя им».

Воспоминания о прошлом не возвращались. О будущем думать не хотелось. Единственное, что Вивиан знал – нечто внутри защищает его. Подсказывает, направляет. И лучше слушаться загадочную темную половину.

Он шел вдоль домов, сам не зная куда, но в какой-то момент вдруг испытал сильнейшее желание свернуть в темный переулок между двух девятиэтажек и не стал сопротивляться. Прошел насквозь сквер с чахлыми акациями и кленами, едва не спугнув целующуюся на скамейке парочку своим бесшумным появлением из темноты. Перепрыгнул через канаву с открытыми трубами на дне. Пересек еще одну улицу и увидел в глубине двора, между домами, приземистое здание с тусклой неоновой вывеской. Бар или ночной клуб.

Отчего-то Вивиану захотелось немедленно войти в него. Разумом он понимал, что сейчас не время для походов по увеселительным заведениям, но нечто внутри настойчиво подталкивало к деревянной двери под железным козырьком навеса.

Внутри оказалось полутемно. Небольшой зал освещали лишь лампочки у барной стойки и свечи, стоящие на каждом из грубо сколоченных столов. Мрачный бармен, протирающий стаканы, не отрываясь от своего занятия, смерил вошедшего внимательным взглядом.

Посетителей было немного. Играла тихая музыка. Вивиан сел у стойки. Заказал пива. Скорее из любопытства. Его запах все еще был приятным, но вкус оказался омерзительным.

В зеркале, висящем за спиной бармена, отражался весь зал. Вивиан посматривал в него иногда и внезапно увидел девушку, сидящую за столиком у самого входа, хотя мгновение назад ее не было. Незнакомка выглядела вызывающе. В первую очередь внимание привлекали красные волосы, в искусственном беспорядке торчащие в разные стороны лохматыми прядями. Потом взгляд наткнулся на полную, красивую, надо признать, грудь, стянутую шнурованным корсажем. И оторваться от изучения смелого декольте, чтобы посмотреть, наконец, в лицо, стоило некоторого усилия. Но здесь Вивиана ждало легкое разочарование. Черты незнакомки были грубоватыми, почти некрасивыми, хороши оказались лишь губы – пухлые, чувственные, но слишком ярко накрашенные.

Девушка сидела, положив ногу на ногу, демонстрируя чулки, с рисунком в виде маленьких черепов, и тоже оценивающе, с легкой усмешкой рассматривала Вивиана. От нее шло ощущение опасности, и беглец понял, что дело тут вовсе не в одежде стиля садо-мазо. Короткая кожаная юбка, перчатки с обрезанными пальцами, сапоги на высоких каблуках и шипастый ошейник были лишь внешним антуражем. А изнутри девушки поднимался холод, отличающийся от теплой ауры людей. Темная половина души Вивиана угрожающе заворчала. Сжалась, будто готовясь к прыжку, и он отодвинул едва тронутое пиво. Положил на стойку деньги, но не успел сделать и шага.

В бар ввалились трое не-людей, одетых в черную кожу, с похожим выражением злобного веселья и голода на бледных физиономиях.

– Эй! – заорал один, обращаясь к бармену. – Бутылку текилы с собой!

Второй, вытащив из кармана флягу, основательно приложился к ней. Явственно запахло кровью. Третий устался на Вива, и на его лице появилась нехорошая улыбка.

– Смотрите, кто здесь! Падальщик! А я думал, они все уже передохли.

Лучше всего было не реагировать на непонятное, но, несомненно, оскорбительное заявление и уйти.

«В другой раз я смогу достойно ответить, – уверял себя Вивиан. – Просто не сегодня». Но слабое утешение не успокоило трясущуюся от гнева темную половину. Второе «я» было готово броситься на наглых отморозков и вцепиться в горло первому, кто окажется на пути, однако Вивиан постарался заглушить ярость и молча прошел к выходу. По дороге его довольно чувствительно задела плечом и попытались схватить за куртку, но безуспешно.

И все же уйти мирно не удалось. В паре десятков метров от бара Вивиан вдруг почувствовал рядом волну хищной злобы. Один из нарывающихся на драку толкнул его к стене.

– Далеко собрался?

Зрочки агрессивного типа начали светиться, а физиономия стала откровенно дикой. Такими же были лица его товарищей, неспешно вставших с двух противоположных сторон, перекрывая путь.

– Уйди с дороги.

– А ты покажи какой-нибудь фокус. Может, я испугаюсь и убегу. – Он тихо засмеялся, а потом неожиданно злобно оскалился. – Принесем магистру сувенир? Печень некрофила.

– Отпусти его, пироман! – раздался вдруг спокойный, с нотками презрения голос.

За спинами отморозков стояла та самая красноволосая девушка из бара.

– Что ты сказала, детка? – лениво протянул тот, что толкнул Вивиана.

– Это тхорнисх, – напряженно произнес его приятель, стоящий справа.

– И что?! – прорычал зачинщик ссоры, а потом буркнул девице: – Проходи, не задерживайся! Впрочем, если хочешь, можешь позабавиться с нами. Не каждый день встретишь кого-нибудь из этих могильных крыс.

– Отпусти его. Быстро! – повторила девица угрожающе, чуть выдвинув тяжелую нижнюю челюсть. Ее серые глаза сузились, руки в перчатках сжались в кулаки.

Враги отступили от Вивиана и, все трое неторопливо направились к незнакомке, собираясь взять ее в кольцо.

– С каких это пор «ночные рыцари» защищают некромантов?

– С этих самых.

Она шагнула вперед, и в ее руках неизвестно откуда появилась массивная дымчатая алебарда. Вивиан онемел от удивления, его противники тоже.

– Итак, кто первый?!

– Да ну ее к черту, – буркнул зачинщик ссоры, начиная стремительно терять интерес к происходящему. – У меня в планах на сегодня нет бойни с птенцами Миклоша.

Остальные, похоже, готовы были с ним согласиться.

– Проваливайте, пока я добрая, – процедила девушка сквозь зубы.

...Едва торопливые шаги посрамленных врагов стихли в соседнем переулке, алебарда исчезла из ее рук.

– Тупые асиманы, – сказала красноволосая пренебрежительно и улыбнулась Вивиану. – Привет, колдун.

Он молча смотрел, как она приближается.

– Рэйлен.

– Вивиан.

Девица рассмеялась.

– Это типа приколы такой? Ученик великого чародея Мерлина? Только там, вроде, девушка была?

Он уставился на неожиданную защитницу, не понимая, что за чушь она несет. «Тхорнисх» вздохнула:

– Ты что, даже это не читал? Рыцари круглого стола. Король Артур. Великий волшебник Мерлин и его ученица, которую звали как тебя. Она еще предала его потом... А, ладно, не важно.

В этом Вивиан был согласен с новой знакомой. Его интересовало другое.

– Почему ты помогла мне?

Она на мгновение задумалась.

– Не знаю. – И нахмурилась, словно действительно не понимая, что за помутнение на нее нашло. Но тут же тряхнула огненными волосами и улыбнулась. – Наверное, твое некро-обаяние и все такое. Сам знаешь. Что, сбежал от строгого учителя поразвлечься?

– Нечто вроде того.

– Тогда ты выбрал неудачное место. – Она взглянула в сторону бара. – Это притон для плохих ребят вроде асиман и тхорнисхов. Фэри сюда не ходят. Они предпочитают более уютные гнездышки.

– Фэри я сыт по горло! – Это вырвалось почти против воли, и Вивиан с удивлением услышал в своем голосе злобное рычание.

Довольная Рэйлен рассмеялась:

– Я, представь себе, тоже. Кстати, не хочешь, меня поблагодарить?

– Спасибо.

– Не так! – Девушка крепко взяла его за отвороты куртки и приподнялась на цыпочки. Полные горячие губы буквально впились в его рот, но она тут же отшатнулась, сверкая веселым, шальным взглядом. – Пошли. Там еще остались свободные комнаты. Но ты знаешь правила, да? Никаких вопросов про клан и... вообще никаких вопросов. Встретились, расстались и все забыли.

«Защита и убежище», – торжествующе шепнул темный голос в глубине души. – «То, что ты искал».

Лежа на кровати, Вивиан глядел в темный потолок.

Под помещением бара оказался этаж, где находился десяток комнат без окон. Идеальная гостиница для тех, кому надо скрыться от лучей солнца.

Рядом, прижавшись горячим боком, тихо посапывала во сне Рэйлен. Она была уверена, что великолепно провела время. Но Вивиан чувствовал, что использовал ее... продолжает использовать. Он не знал, откуда эта убежденность, но темная половина души настойчиво подсказывала, как себя вести, чтобы эта девушка продолжала помогать ему. Начала испытывать доверие. Привязалась.

«Не понимаю как, однако, кажется, я могу управлять обстоятельствами. Мне помогают именно в тот момент, когда это необходимо».

Совпадение? Удача?

С одной стороны это успокаивало Вивиана, с другой – начинало беспокоить все сильнее. Что-то в его сознании сопротивлялось подобному везению...

Поднявшись, он бесшумно оделся. Хотя это было глупо – следовало остаться и вытянуть из девчонки как можно больше информации. Темная половина недовольно ворчала, когда он выходил из комнаты, но не смогла совладать с упорством владельца...

В зале был только один посетитель. Он оживленно болтал с барменом, но, увидев Вивиана, замолчал и оглянулся. Однако тот быстро прошел к выходу и свернул за угол дома. На сегодня знакомств с ночным населением Столицы ему хватило.

Солнце село совсем недавно, и на улице было еще очень ярко. Жмурясь от света, бьющего в западной части неба, Вивиан почти бегом направился прочь от бара.

Но ранний гость клуба для кровопийц догнал его у сквера.

– Постой. Я – Сэмюэл Кадаверциан.

Вивиан изо всех сил напряг свою непослушную память. Снова резануло унижительное чувство собственной ущербности: «Я не знаю ни-че-го!».

– Мы с тобой из одного клана.

Вивиан резко остановился.

– Я немного понаблюдал за тобой и понял, что ты сам по себе. Не знаю, что случилось, но асиман и тхорнисхи не самые лучшие приятели для одного из нас, поверь мне. Думаю, будет лучше, если ты вернешься в нашу семью.

Предложение поразило Вивиана. Вот реальный шанс получить *настоящий* приют, *настоящую* защиту, *настоящие* знания!

...Двухэтажный особняк закрывала от широкой набережной высокая кованая ограда и живая изгородь. Сэм уверенно подошел к входу, на мгновение приложил ладонь к замку и широким жестом распахнул дверь.

– Прошу.

Высокую арку в конце коридора освещали лампы в виде факелов. За ней был круглый холл с отполированным до зеркального блеска полом. В чередовании темных и светлых плит угадывался какой-то рисунок, но Вивиан понял, что разглядеть его можно только с верхней галереи, которая огибала зал по второму этажу.

С ее перил спускались длинные полотна гербов, как в древних замках, и золотые шнуры их окантовки заканчивались в двух метрах над черно-белыми плитами. На одном из «флагов» Вивиан увидел изображение морды волка. Другой украшали золотая корона, скипетр и держава. На третьем была нарисована изломанная красная стрела в белом круге. В центре четвертого сиял серебряный подсолнух...

Забыв обо всем, Вивиан медленно шел от одного «штандарта» к другому. Сэм бесшумно следовал за гостем:

– Какой из них нравится тебе больше всего?

Быстро окинув взглядом светящиеся полотна, Вивиан остановился на вышитом черном кресте, опутанном зеленым вьюном с узкими листьями. Чем дольше он смотрел на символ, тем ярче испытывал ощущение, что границы белого куса ткани расплываются, заслоняя темный зал. И вот уже впереди встает настоящий, огромный монолитный крест, увитый яркой зеленью. Листья ее чуть дрожат на ветру...

– Вот этот.

Спутник усмехнулся:

– Правильный выбор. Ну, идем. Познакомлю тебя с нашими.

В просторной гостиной было полутемно. Свет давали лишь красные угли в камине и несколько огоньков, дрожащих над высокими белыми свечами. Вивиан разглядел двух молодых людей и трех девушек, расположившихся в низких креслах. Они весело разговаривали, но как только увидели гостя замолчали и устали на него с вниманием, явно превышающим обычный вежливый интерес к незнакомцу.

– Новообращенный кадаверциан?! – в голосе миловидной курносой шатенки прозвучало недоумение. – Откуда он?

– Это Ада, – представил ее Сэм. – Знакомьтесь – Вивиан. Он попал в довольно неприятную историю с тремя асиманами и одним тхорнисхом.

– Давно тебя обратили? – Она склонила голову к плечу, с доброжелательным участием глядя на новичка.

– Я точно не помню...

Его ответ удивил всех.

– И кто это сделал?! – воскликнул мужчина в темно-зеленой одежде с поразительно некрасивым, но подвижным и выразительным лицом.

– Не знаю. – Вивиан предпочел бы, чтобы знакомство с новым кланом обошлось без допросов о его происхождении, но чувствовал, что все присутствующие заинтересованы в нем искренне. – Я очнулся уже таким, какой есть. И рядом не было никого, способного ответить на мои вопросы.

– Послушай, Крис, – спросивший, еще раз внимательно осмотрев Вивиана, повернулся к широкоплечему мужчине, сидящему в стороне от остальных, в тени глубокого кресла. – Кадаверциан сами по себе не заводятся, словно мыши в грязном белье.

Ада недовольно поморщилась:

– Что за псевдоалхимический бред, Адриан! Никто не заводится сам по себе. Естественно, его обратили.

– Я слышала одну легенду, – глядя в потолок, мечтательно произнесла молодая женщина в роскошном платье с оторочкой из меха и прозрачными, как вода, глазами. – Будто бы раз в семь сотен лет Смерть появляется среди людей и сама отмечает одного из них. Наделяет некромантической силой, привлекательностью и...

– Да-да, Кэти, – перебил Адриан, сморщив физиономию в скептической гримасе, – все это очень романтично, но не меняет сути дела. Кто из наших мог обратить парня и бросить его в подвале?

– Франциск, – сказала красивая блондинка с огромными темно-синими глазами и повернулась к Аде, которая утвердительно кивнула. – Шутка в его стиле. Он инициировал Леона и, вообще ничего не объяснив, сунул новорожденного неопита на Путь Смерти. Дабы проверить его стойкость.

– Но ты ведь отлично помнишь, Дона, что мы с Кристофом были готовы вытащить его оттуда, – возразил Адриан.

– Да. Только Франциск ничего не знал об этом, – резонно напомнила Ада.

– И не узнал, – фыркнул Сэм. – Он, наверное, вообще сразу же забыл об этом.

– А может, это была ты, Кэти? – Адриан насмешливо посмотрел на модницу в мехах.

– Нет, – со всем возможным достоинством произнесла та. – Как ты помнишь, в последние годы я была в здравой памяти. Хотя, – она задумалась на мгновение, с интересом поглядывая на Вивиана, – может быть временное затмение...

– Вы не думаете, что это мог сделать Вольфгер? – медленно произнесла Дона.

– Вольфгер мертв, – резко сказала Кэтрин, внезапно теряя задумчиво-романтический вид. – Я уже говорила. Но вы не хотите слышать.

– Ты можешь ошибаться, – мягко заметила Ада.

– Я никогда не ошибаюсь в предчувствии смерти.

– Прошу прощения, – вмешался Вивиан. – Я, действительно, кадаверциан?

– А что, есть сомнения? – ухмыльнулся Сэм.

– Ты кадаверциан, – с улыбкой сказала Дона, – можешь нам поверить.

Вивиану не хотелось показать себя вздорным упрямцем, но он не смог удержаться от нового вопроса:

– Вы уверены?

– Мы чувствуем друг друга, – пояснил Сэм. – С первых мгновений обращения.

– Но вы не знаете, кто из вас кого обращает? Неужели никто не следит за этим?

– Теперь нет, – спустя мгновение общего молчания произнес Кристоф.

Казалось, эти слова прозвучали сигналом к концу беседы. Кадаверциан стали расходиться, прощаясь с хозяином дома. Вивиан, не зная, как следует поступить ему, поднялся также.

– Останься, – сказал Кристоф.

Когда за последним из гостей закрылась дверь, он поднялся из кресла и подошел к узкой нише в стене, в которой стоял деревянный крест на невысокой подставке.

– Раньше Великого Карфагена, раньше Эллады и цивилизации Древней Индии на земле существовало тринадцать великих кланов киндрэт, которых позже люди стали называть вампирами. Они сражались друг с другом за власть над миром и людьми, за богатства, как отражение этой власти, за тайные знания... Эта война длилась веками, и до сих пор идет тихая, скрытая борьба. Среди нас стало мало воинов, но появилось много дипломатов. Символы наших кланов, которые ты видел при входе в мой дом – не просто красивые рисунки. Кроме опознавательных знаков, они нужны для совершения некоторых обрядов. Заключение в них сила помогает концентрироваться и одновременно служит защитой от чужой магии.

Он замолчал, рассматривая крест, и Вивиан спросил:

– Почему ты рассказываешь мне все это?

– Потому, что ты этого не знаешь. Ты должен остаться с нами, а я должен поделиться с тобой знаниями кадаверциан.

Неофит понял, что вот уже несколько минут прислушивается к себе, но загадочная «темная личность», обитающая в душе, упорно молчала. Он должен был сам, без подсказок, принять решение.

– Нас называют мастерами Смерти, – продолжил Кристоф. – Наша магия связана с силами и существами запредельного мира. Кадаверциан – проводники между жизнью и смертью. Мы умеем управлять мертвой материей и придавать ей видимость жизни. Мы можем путешествовать по разным пространствам, в поисках знаний, недоступных другим кровным братьям.

– Управление мертвой материей? – повторил Вивиан. – Некромантия.

Вторая темная половина вдруг заворчала, требуя знаний. И на этот раз ее желание полностью совпадало с желанием «владельца».

– Значит, меня будешь учить ты?

– Да. – Кадаверциан задвинул крест глубже в нишу. Особого энтузиазма в его голосе не слышалось, скорее, он покорялся судьбе, подбросившей ему неожиданного ученика.

Десятки вопросов теснились в голове Вивиана: про асиман, тхорнисхов, пространства, по которым могут путешествовать только некроманты, про тринадцать кланов, про себя самого.

– Я ничего не помню о своей человеческой жизни. Это нормально? Так бывает со всеми?

– Не со всеми, – чуть помедлив ответил Кристоф, – но бывает. Сильное потрясение, шок... Воспоминания вернутся через какое-то время.

– Если мне вообще есть, о чем вспоминать, – с досадой буркнул Вивиан.

Кадаверциан усмехнулся и продолжил:

– Пока ты не научишься обращаться со своей силой, останешься в этом доме. Новообращенного некроманта опасно оставлять одного.

– Почему? – спросил Вивиан, поднимаясь из кресла.

– Потому что, как любит говорить наша романтическая родственница Кэтрин: «Смерть следит за каждым твоим шагом и жестоко наказывает за каждую ошибку». – Он улыбнулся, увидев недоверчиво-изумленное выражение на лице ученика, и добавил: – Идем, покажу твои комнаты.

С некоторым трудом переключившись с этого мистического заявления на более реальное, Вивиан пошел следом за новообращенным учителем.

Глава 9

Тайны некромагии

*Душа рождается старой, но становится все моложе.
Это комедия жизни. Тело рождается молодым и стареет.
И вот это – трагедия.¹⁶*

15 декабря

Дарэл Даханавар

Проблемы начались сразу. С той самой наукой, изучению которой Вивиан теперь должен был посвятить всю бесконечную оставшуюся жизнь. Некромантия ученику кадаверциана даваться не желала.

Неофит с легкостью запомнил все сложные длиннейшие формулы вызова. Прекрасно представлял принципы оживления мертвой материи. Трудностей не было с теорией, но они возникли с практикой.

– Не волнуйся, – беспечно говорила Кэтрин, рассматривая в зеркале свое блистательное отражение. – Если у тебя что-то не получится, Крис найдет способ, как тебе помочь.

Она достала тюбик помады и начала подкрашивать губы.

– Помню, у меня были затруднения с бетайласами. Знаешь, что сделал Вольфгер? Запер меня вместе с мертвым телом. Устроил хитроумную ловушку, которую мог открыть только дух-убийца. И, представь, у меня все получилось.

– И сколько дней ты просидела взаперти? – мрачно поинтересовался неофит.

– Дней?! – рассмеялась бэньши. – Недель. А может и месяцев. Не помню точно...

Вивиан молча окинул ее взглядом и подумал, что вряд ли Вольфгер был очень приятным учителем.

Кристоф ждал его в библиотеке. Мастер Смерти сидел в кресле за столом, на котором лежали несколько свитков, изогнутый крест, кинжал и шкатулка.

– Познакомься, – кадаверциан слегка склонил голову, и Вивиан машинально сделал то же самое. – Это Силина.

Ученик удивленно оглянулся – в комнате никого не было. Увидев его замешательство, мастер Смерти поднялся и щелкнул пальцами. Перед глазами неофита мелькнуло зеленоватое свечение, и он вдруг понял, что «включился».

Над столом, а точнее над открытой черной шкатулкой, парило облачко, в клубах которого белело прекраснейшее женское лицо. Оно казалось полупрозрачным, и в то же время было совершенно материально.

– Силина станет твоим гидом, экзаменатором и помощником.

– Очень приятно, – пробормотал Вивиан.

– Она поможет тебе освоиться в нашем мире.

– Нет, – произнесло облачко певучим высоким голосом. – Нет.

¹⁶ Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Ученик вопросительно взглянул на Кристофа, но тот сам выглядел озадаченным до предела.

– Прости, что?

– Я сказала «нет». Мне *это* не нравится.

Она говорила, почти не размыкая губ, но голос ее звучал совершенно отчетливо.

– Его зовут Вивиан, – сказал Кристоф менее любезно. – Будь добра, повежливее.

– Скучно, – по облачному лицу Силины пробежала волна. – Скучно. Я работаю с тобой.

– Теперь ты будешь работать с ним. Это не обсуждается.

Силина надулась, похоже, кадаверциан не часто говорил с ней так холодно и жестко. Вивиан отчетливо почувствовал волны неприязни и обиды, исходящие от прозрачной красоты.

– Кристоф, – попросил он тихо. – А может быть не надо... если она не хочет...

– Надо, – ответил мастер Смерти сердито. – Еще я не выполнял прихоти капризных призраков.

– Я не призрак, – тонким голоском пискнуло облачко.

– Тогда будь добра, избавь меня от своих выкрутасов.

– Я не буду с *этим* действовать, – Силина поджала губы и замолчала с трагическим видом.

Кристоф тоже помолчал немного, похоже, стараясь сдержать гнев, но следующий его вопрос прозвучал еще более резко:

– И почему же, позволь узнать?

– Я не могу ответить.

Серебристое облачко замерцало, и колдун в раздражении махнул рукой:

– Хорошо, уходи.

Силина исчезла.

– Странно, она никогда раньше не отказывалась работать с новичками. – Кристоф помолчал, хмуро постукивая пальцами по крышке стола. Затем решил:

– Ладно. Придется мне заниматься с тобой самому. Основное правило некромантии – то, что погребено, не может быть извлечено из земли.

– То есть, кладбища...

Учитель отрицательно покачал головой, прекрасно понимая, о чем думает ученик:

– Мы не поднимаем покойников из могил. Они больше не принадлежат нам.

Вивиан удивился:

– Но ведь, фактически, мастера Смерти *умеют* это делать. Что будет, если я это сделаю?

Колдун усмехнулся:

– Другие кадаверциан исключат тебя из гильдии некромантов и отберут лицензию... А если серьезно, смерть, которой мы служим, не терпит посягательства на свое имущество, на свою территорию и жестоко наказывает ослушавшихся.

Ученик был склонен больше доверять первому заявлению. Второе звучало слишком фантастично. Но не стал противоречить.

– В некромагии, – продолжил между тем учитель, – существует четыре основных способа оживления мертвой плоти.

– Четыре? – переспросил Вивиан, забыв, что Кристоф ненавидит, когда его перебивают. Но мастер Смерти не обратил внимания на бессмысленный вопрос.

– Первый из них – создание вилах. Перелив часть своей энергии в мертвое тело, ты получишь послушного робота, способного выполнять одновременно два-три простых приказа. Носить тяжести, охранять хозяина, служить вешалкой для плащей. Это самое простое умение. Таких послушных рабов можно насоздавать сколько угодно. Но, пребывая в их окружении, ты не получишь эстетического удовольствия.

Вивиан вообще не видел удовольствия в существовании рабов, но решил пока не делиться своими демократическими взглядами с некромантом. В сложившейся ситуации, самым мудрым было – лучше запомнить, что тот говорит.

– Второй способ, – продолжил Кристоф, – хорош для извлечения воспоминаний последних часов жизни из памяти недавно убитого. Механизм тела запускается ненадолго, и человек ведет себя точно так же, как при жизни. Он не будет осознавать себя умершим, но стоит ослабить контроль – снова превратится в труп.

Кристоф помолчал, видимо для того, чтобы Вивиан лучше усвоил полученную информацию.

– Третий вариант достигается путем вселения в мертвое тело злобного духа – бетайласа. Эти потусторонние существа хитры, коварны и очень агрессивны. Чтобы подчинить себе даже одного из них, требуется высокое магическое мастерство. Однако, бетайлас хорош тем, что сам заботится о приобретенном теле – поддерживает силы, лечит раны, следит за пристойным внешним видом. Твои приказы он выполнит быстро, четко и не без творческого подхода. Бетайлас не чувствует боли, очень силен. Но если ты утратишь контроль над ним, он попытается уничтожить тебя. Некоторые молодые неопытные некроманты погибли, не справившись с вызванным духом.

Кристоф поднялся, взял с полки книгу в черной обложке, открыл на середине и протянул Вивиану.

– Иногда они нападают на врага, будучи нематериальными, но для этого духа надо как следует разозлить.

Ученик увидел нарисованную на сером листе расплывчатую фигуру со злобным, оскаленным лицом. Она висела над человеческим телом, наполовину слившись с ним.

– Четвертый способ считается самым сложным и относится к разряду искусств, которые доступны не всем кадаверциан. Это – создание стигонита.

Кристоф перевернул несколько страниц и продемонстрировал Вивиану изображение изумительно красивой женщины.

– С помощью серии хирургических операций и нескольких инъекций специфических препаратов создается инкуб или суккуб. Из имеющихся под рукой трупов ты можешь создать совершенное творенье. Прибавить немного здесь, убрать там, заменить один или другой орган и, пожалуйста – получить Венеру или Аполлона. Твое создание будет красивым, насколько ты смог его таким сделать, легко обучаемым, неудержимо страстным, абсолютно идентичным человеку, бесконечно притягательным для людей и рабски преданным создателю. В прошлом было модно отправлять стигонитов к высокопоставленным особам. Влиятельные господа часто рассказывали своим некромантическим любовникам важные секреты, а те потом передавали их хозяевам. Также неплохо использовались эти создания в качестве наемных убийц и телохранителей: могли элегантно зарезать в будуаре или задушить в объятьях. Но кадаверциан давно отошли от политики.

Колдун задумчиво посмотрел на иллюстрацию, закрыл и отложил книгу.

– В идеале ты должен уметь все, о чем я рассказал. И сегодня мы начнем с самого простого, первого пункта. Создания примитивного зомби для подсобных работ... Идем.

Длинная полутемная лестница вывела кадаверциан вниз, на минус первый уровень. Здесь было прохладно, почти зябко. Вивиан почувствовал знакомый запах дезинфекции.

Просторная лаборатория была освещена белыми лампами. В центре стояли два стола, операционный и прозекторский. На противоположной от входа стене – блестяли ряды квадратных люков, от пола до потолка. На каждом была ручка в виде скобы, и неофит очень реально представил, как берется за них, тянет и выдвигает узкие ящики, в которых лежат трупы.

На белой кафельной стене напротив входа слабо светился зеленым очертанием высокий прямоугольник.

– Только для кадаверциан, – усмехнулся колдун, направляясь к секретному ходу. Контур его тела полыхнул яркой зеленью, поплыл, и учитель исчез.

Лишь подойдя вплотную, Вивиан увидел мерцающую завесу, похожую на струящуюся воду. На всякий случай затаив дыхание, он шагнул вперед. На мгновение неофиту показалось, что его тело движется навстречу сильному ветру. Упругая нематериальная волна толкнула в грудь, глаза заслезились... и вот он уже стоит рядом с Кристофом с другой стороны, в маленьком круглом помещении.

Пол под ногами дернулся, лампочка на потолке загорелась ярче. «Скоростной лифт, – понял Вивиан. – Значит, нам еще ниже. Сколько же этажей в этом доме на самом деле?»

Кабина остановилась. Спутники вышли в маленький тамбур, где на этот раз вместо современного пластика и кафеля все было каменным. В грубой кирпичной кладке светила еще одна тайная дверь, и за ней тянулся бесконечно длинный, плохо освещенный тоннель.

– Почти все дома киндрэт в городе имеют подземные ходы и убежища. – Кристоф пошел вперед, кивком пригласив ученика следовать за собой. – С их помощью можно передвигаться днем, скрываться в случае войны или глобальной катастрофы, а также доставать необходимые для работы материалы.

– А отсюда никто не может пробраться в твой дом?

– Только тот, кто обладает магией кадаверциан. И я почувствую это.

Коридор вильнул, и спутники остановились у высокой железной двери цвета ржавчины.

Это была прозекторская. Кафельные стены, пол с решетками для стока воды. Два стола. Один пустой, на другом под простыней лежало, судя по очертаниям, человеческое тело. Сквозь сильный запах дезинфекции пробивался дух старой, мертвой крови.

Мастер Смерти неспешно подошел к «занятому» столу и оперся обеими руками о край столешницы:

– Помнишь формулу?

Вивиан кивнул.

Кристоф жестом фокусника сорвал с труп простыню. Ученик непроизвольно сглотнул, но тело, к счастью, выглядело вполне нормально. Ни расплюснутых конечностей, ни ободранной кожи, ни торчащих наружу костей. «Материал» оказался качественным.

– Сначала посмотри, как это сделаю я. – Кончики пальцев Кристофа засветились зеленым. Тонкие изумрудные нити вытянулись, сплелись, образовав сияющую сферу, и опустились на грудь покойника.

Тело дернулось, медленно село на столе, спустило ноги на пол. Встало.

Вивиан почувствовал легкую тошноту, желудок противно сжался, и тогда неофит начал мысленно уговаривать себя: «Ты же некромант. Хватит паниковать. Это всего лишь оболочка, набор органов. Перелить в нее часть силы не сложнее упражнения с шаром». Но все настойчивее в его голову лезли кадры из фильмов ужасов об оживших мертвецах. «Ну и бред! Почему я кадаверциан?! Почему меня не обратил какой-нибудь другой клан?..»

Второе «я», до сих пор тихо дремавшее где-то внутри, вдруг оживилось, но было непонятно, нравится ему происходящее или нет. А Вивиан внезапно понял, что не удивится, если Кристоф решит натравить на него эту тварь. В порядке эксперимента, чтобы проверить рефлексы ученика.

– А если такой зомби нападет? Как его можно остановить?

– Обычно источник энергии вкладывается в голову, – пояснил мастер Смерти спокойно, делая вид, что не подозревает об опасениях неофита. – Отруби ее, и тело лишится подпитки. Поэтому я, создавая зомби, предпочитаю область грудной клетки, – тут же добавил он. – Чтобы обездвижить мое творение, его придется, по меньшей мере, расчленить. Теперь попробуй сам.

– Крис, извини, я... не уверен, что...

– Не бойся. Это всего лишь твой материал.

– Я не боюсь, просто...

Универсальным движением руки Кристоф извлек из тела «источник энергии», и оно медленно осело на пол. Словно вынули батарейку из заводной игрушки. «Вот, пожалуй, подходящее сравнение, – решил Вивиан. – Мне нужно всего лишь поставить свой „аккумулятор“».

Он сосредоточился, мысленно выстраивая схему системы кровообращения, мышц и нервов. Потер ладони и машинально потряхнул правой кистью, «сбрасывая» с кончиков пальцев материальную магию.

– Вивиан! Осторожно! – воскликнул Кристоф, но ученик не успел понять, от чего тот предостерегает.

Зеленая сфера упала на труп. Он дернулся, а потом вдруг стал раздуваться, словно наполненный воздухом. И прежде чем неофит понял, что происходит, во все стороны брызнула кровь, полетели ошметки плоти и обломки костей. Тело лопнуло, взорвавшись изнутри.

К счастью или к сожалению, рвотный рефлекс в теперешнем вампирском состоянии Вивиана был невозможен. Поэтому он стоял посреди помещения, непроизвольно открывая и закрывая рот, и не мог ни выругаться, ни попросить извинения.

Относительно чистый Кристоф медленно поднялся из-за стола, за который успел спрятаться в момент большого взрыва. Уголки его губ подергивались, а глаза светились яркой зеленью. Секунду он смотрел на перекошенную фигуру ученика, залитую кровью, на лицо, выражающее последнюю степень ошеломления. А потом захохотал. Громко, во весь голос.

Ничего смешного Вивиан не видел. Ему хотелось провалиться сквозь пол морга в глущины канализации, послать к черту все способы оживления мертвого, а сильнее всего – содрать с себя грязную, мерзко воняющую одежду.

– Стой, не двигайся, – велел учитель, отсмеявшись. Подошел к дальней стене, на которой за стеклянным щитком висел шланг. Сняв его, крутанул колесо крана и направил на неофита струю ледяной воды.

– Вот поэтому я не хотел проводить урок у себя в лаборатории, – сказал учитель, равномерно обливая Вивиана. – Знаешь, почему так получилось?

– Нет.

Мастер Смерти пристально посмотрел на ученика.

– Тебя очень щедро одарили. В тебя перелили столько силы, что я назвал бы это расточительством.

В груди у Вивиана неприятно похолодело:

– Ты говоришь о том, кто создал меня? Он отдал мне слишком много сил?

– Да, – отозвался Кристоф, напряженно думая о чем-то. – Думаю, тебе нужно учиться не вызывать силу, а, наоборот, сдерживать ее. Учись контролировать себя.

Кристоф увеличил напор воды, смывая кровь со стен и потолка.

На выходе из лаборатории наставник с учеником увидели Сэма. Тот изобразил вежливое удивление, молча проводил взглядом Кристофа и пристально посмотрел на Вивиана.

– Что? Занимались синхронным плаванием?

– Отвали, Сэм, – раздраженно ответил некромант-неудачник...

Глава 10

Леди

В любви начинают с того, что обманывают себя и кончают тем, что обманывают других.¹⁷

18 декабря

В северную стену подвала были вмурованы три ряда контейнеров. Сейчас все они, кроме одного, были пусты. Бережно обернутое пеленой заклинания «Покров сна», там лежало тело Флоры – прекрасная холодная статуя.

Кристофу казалось кошунством хранить кого бы то ни было рядом с ней.

«Странно, что ты не положил ее в хрустальный гроб, усыпанный неувядающими белыми розами, на вершине стеклянной горы, – укоризненно качая головой, заметил как-то Адриан. – Не посадил вокруг непроходимые заросли терна и не поселил огнедышащего дракона...»

Сейчас кадаверциан сидел в кресле напротив Вивиана, погруженного в резервуар. Ученик казался спящим, умиротворенным. Дарэл замер в раскладном кресле. Глаза его под опущенными веками двигались так быстро, словно он с большой скоростью читал книгу.

«А может быть и читает, – подумал кадаверциан, – вместе с Вивианом... Если то, что мы задумали, получится – это будет невероятной удачей».

Даханавар чуть пошевелился. Шумно задышал. Кристоф попытался представить, что тот может видеть в прошлом Вивиана, и на краткий миг почувствовал зависть к телепату, который может еще раз пережить время, когда Флора была жива.

Его собственные воспоминания остались всего лишь как разноцветные картинки. Хотя леди сумела наполнить жизнью даже их...

Первая встреча с Флорой произошла много лет назад. В ночном Фонтенбло. Парк был заснежен, деревья тонули в сугробах. Огромная луна, выкатив на темно-синее небо, заливала дорожки серебряным светом, в густой тени шевелились призрачные видения. Летом такая ночь принадлежала бы вилам и ундинам – самое время для танцев под прохладными лучами ночного светила. Сейчас все озера замерзли, и прекрасным утопленницам оставалось лишь печально взирать на небо через прозрачную корку льда.

Кадаверциан оглянулся на светящиеся окна замка и снова вспомнил неприятный разговор с мэтром. Долгую беседу при закрытых дверях. Вольфгер был в ярости и, как всегда, маскировал свое бешенство за ироничной усмешкой.

– Что у тебя произошло с этим... как его там? – глава клана заглянул в клочок бумаги, извлеченный из кармана. – Акселем Тхорнисхом?

– Ничего, – ответил Кристоф, глядя в темноту за окном. – На него, похоже, нашло временное помутнение, если он решил напасть на меня.

– А мне он сказал, что ты оскорбил его. Твои высказывания по поводу некоторых аспектов магии его клана показались Акселю довольно унижительными.

– Он пытался убедить меня, что их боевые заклинания гораздо могущественнее наших, – нехотя отозвался кадаверциан, рассматривая компанию дам и кавалеров, вышедших из замка в сопровождении слуг с факелами. – И я с ним согласился. Но мои слова о том, что любой наш вилах сдохнет от одной лишь вони их магии Тления – не унижение, а чистая правда.

¹⁷ Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Вольфгер едва заметно усмехнулся, но тон его был жестким:

– Меня не интересуют подробности твоих бесед с тхорнисхом. Почему ты его не убил?

– Что? – Кристоф повернулся к собеседнику, опасаясь, что ослышался. – Я должен был убить этого никчемного позера?

– Естественно, – тут же отозвался мэтр. Он поднялся из кресла, подошел к ученику. – И так, чтобы не осталось никаких следов. На вчерашнем Совете мне пришлось пережить немало неприятных минут, выгораживая тебя перед всем благородным собранием. И, знаешь, им было плевать, кто из вас начал драку. Ты ушел с поля боя на своих ногах – значит, должен отвечать.

В светлых глазах Вольфгера загорелся зеленый огонь:

– Так почему ты не убил его? И не надо рассказывать мне, будто ты не хочешь нарушить перемирие.

Кристоф уже догадался, что самая неприятная часть разговора начинается только сейчас, и снова прислонился плечом к наличнику, глядя в окно:

– Мой Тёмный Охотник... в какой-то момент я потерял контакт с ним.

– Великолепно, – саркастически произнес мэтр. – Браво. Видимо, сейчас мне нужно произнести ту самую фразу, которую ты так страстно ненавидишь: «А что я тебе говорил?!»

– Ты говорил прекратить эксперименты с этой сущностью, – голосом лишенным всякого выражения ответил кадаверциан, глядя на парочку, пламенно обнимающуюся в беседке, занесенной снегом.

– Ты уже едва не погиб из-за своих опытов в Ирландии. Предупреждаю еще раз, оставь Охотника в покое. Он не будет прыгать для тебя через палку и носить в твой замок прекрасных дев. – Вольфгер вернулся к столу, вынул из ведерка со льдом запечатанную бутылку с кровью, открыл ее и разлил содержимое по серебряным кубкам. – И еще. Прекрати расхолаживать бетайласов. Это духи-убийцы, а не твои приятели. Я устал выслушивать жалобы остальных воспитанников о том, что после общения с тобой они перестают слушаться кого бы то ни было. Наглеют, начинают дерзить. Причем высказываются исключительно твоими фразами, а кроме этого...

– Хорошо, мэтр, я понял!

– Рад слышать. – Вольфгер подвинул к ученику один из кубков. – Ты обходишься мне слишком дорого, чтобы я мог позволить тебе быть сожраным собственным взбесившимся слугой.

Кристоф криво улынулся этому сомнительному признанию своей ценности и залпом выпил предложенную кровь.

Луна опустилась чуть ниже, и теперь длинные тонкие тени черным кружевом лежали на утопанной тропинке. Вдали мелькали огни факелов, слышался приглушенный смех.

Кадаверциан шел, думая, что можно было бы возразить Вольфгеру на его справедливые, надо признаться, упреки. Бетайласы, действительно, предпочитали компанию Кристофа. Видимо чувствовали, что ему искренне интересно общаться с ними.

«Уж во всяком случае, интереснее, чем с покорными, безмозглыми вилами», – пробормотал некромант, и вдруг почувствовал сильный удар в плечо. Стремительно обернувшись, он успел уклониться от второго увесистого снежка, пролетевшего над головой. Услышал звонкий смех, тихий мелодичный окрик и скрип снега. На тропинку из боковой аллеи выбежала женщина, на мгновение замерла, оглядываясь по сторонам, и устремилась к кадаверциану.

Кристоф почувствовал яркую, звенящую волну, исходящую от фигуры, закутанной в тяжелый плащ.

Даханавар...

Она подлетела к нему, скользя на льду утопанной дорожки, обдала запахом тонких духов и волной морозного воздуха. Чтобы не упасть, схватилась за его машинально протянутую руку.

– Прошу прощения, – произнесла незнакомка смеющимся, чуть задышающимся голосом и подняла голову. На ее бледном лице с высокими скулами, окруженном ореолом серебристого меха, сияли яркие топазовые глаза. Казалось, они озаряли все, на что бы женщина ни смотрела.

Еще один снежок разбился о ствол дерева совсем рядом.

– Нет-нет! Не надо! – Она поспешно накрыла своей меховой муфтой руку Кристофа, начинающую светиться зеленым. – Это всего лишь мой... ужин.

– Он оказался настолько строптив, что вам пришлось ретироваться так поспешно? – спросил кадаверциан, чувствуя, что не может отвести взгляд от ее прекрасного лица.

За кустами послышались громкие голоса, и на дорожку выбрались два человека. На колдуна повеяло теплой волной даханаварской магии, и он понял, что те пройдут мимо, не заметив ни женщину, ни его самого.

– Где она? – требовательно вопрошал высокий мужчина в сбившейся на сторону шляпе и распахнутом плаще.

– Только что была здесь, монсеньер, – почтительно ответил второй – лысоватый толстяк. – Наверное, побежала в другую сторону.

– Этой мерзавке лучше не попадаться мне на глаза! – его спутник звучно хлопнул себя по ладони перчатками и широкими шагами направился в сторону замка.

Некромант с новым интересом посмотрел на даханаварскую леди, закусившую губы от смеха.

– Восхищаюсь вашим изысканным вкусом. Граф де Орильи, безусловно, ценный трофей.

– Он был слишком груб и прямолинеен. – Она с достоинством поправила меховой капюшон. – Но вкус у него, кстати, оказался довольно мерзкий.

Колдун рассмеялся. Женщина снова посмотрела на него с улыбкой и представилась:

– Флора Даханавар.

– Кристоф Кадаверциан.

Она широко распахнула топазовые глаза:

– Так вы и есть тот самый Кристоф?!

– Что значит «тот самый», позвольте узнать? – он подал ей руку, и повел по дорожке к выходу из парка.

– Вчера на Совете кипели нешуточные страсти. – Флора откинула капюшон, видимо для того, чтобы было удобнее рассматривать его. В ее пышных каштановых волосах засверкали капельки бриллиантов. – Нападение на тхорниса. Говорят, ваше заклинание едва не лишило его некоторых... важных частей тела. А ведь Аксель считается очень сильным магом. Считался, – поразмыслив мгновение, добавила она и снова перевела взгляд лучистых глаз на Кристофа. – Вы – сильнее.

– Не думаю, – отозвался некромант, изо всех сил стараясь не поддаваться опасному очарованию Флоры. – Разные кланы, разные принципы магии, совершенно разные заклинания. Вряд ли можно измерить и сравнить наше могущество.

Она покачала изящной головкой, не соглашаясь:

– Значит вы быстрее или умнее. А может быть – удачливее.

Похоже, последняя мысль показалась ей особенно привлекательной. Флора улыбнулась и еще раз окинула кадаверциана внимательным взглядом.

– Простите мне мое любопытство, но почему вы никогда не появляетесь в обществе? Даже на Совете. Хотя, как первый ученик мэтра, можете быть там. Я много раз слышала о вас, но вижу впервые.

– Меня долго не было во Франции. Я вернулся неделю назад.

– И уже успели расшевелить нашу унылую, пресную жизнь, – рассмеялась она, но тут же спросила с неподдельным интересом: – А где вы были, если не секрет?

– В Англии.

– Как вам нравится Франция?

Уже около минуты Кристоф не мог избавиться от ощущения, что прекрасная Даханавар очень ловко и ненавязчиво направляет беседу в нужную ей сторону, с искренним вниманием поддерживая разговор о нем самом. И тут же, словно прочитав его мысли, она поспешила сказать:

– Простите, я, наверное, слишком любопытна. Не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто я пытаюсь выведать тайны кадаверциан... Вы не проводите меня до кареты?

– Бойтесь встретиться со сбежавшим ужином?

Она беспечно пожала плечами:

– Уже завтра он обо всем забудет. И станет по-прежнему искать моего общества.

– Не сомневаюсь, – отозвался Кристоф.

Дорожка повернула в самую глухую часть сада. Отсюда окна дворца и факелы слуг не были видны. Луна окунулась в черноту леса, и ее длинные лучи робко тянулись между голых ветвей, припорошенных снегом.

– Сегодня самая длинная ночь в году, – тихо сказала Флора, и ее ладонь, лежащая на сгибе руки колдуна, чуть дрогнула. – На землю приходят тени и призраки, враждебные людям.

– Мы сами – тени, враждебные смертным, – ответил некромант.

– Да, вы – кадаверциан, но не мы. Не даханавар. – Она зябко повела плечами и накинула на голову капюшон. – Вы – олицетворение смерти. Того, чего опасаются больше всего.

– И вы тоже боитесь нас, Флора?

Она медленно повернула голову, холодно и задумчиво глядя на него:

– Да. Наверное.

Хотела сказать что-то еще, но в то же мгновение Кристоф почувствовал впереди... Яркий магический всплеск, туманное марево, как будто зависшее в ледяном воздухе. Колдун отреагировал, не задумываясь. Оттолкнул Леди в сторону, выхватил из воздуха зеленый щит, принимая на него удар. Но на этот раз надежное заклинание защиты подвело. Волна Тлена проглотила его, едва не опрокинув некроманта. На руку как будто плеснули кислотой, в ноздри ударила вонь гниющей плоти. Не исключено, что его собственной.

На тропинку выскочил Аксель Тхорнисх. Его смазливая физиономия была перекошена от злобной радости, в ладонях дрожал размытый комок нового заклатья.

– Ну все, кадаверциан, – прошипел он, глядя на оглушенного некроманта и трясаясь от нетерпения. – Это последняя наша встреча.

Самодовольно оглянулся на Флору – видит ли она момент его торжества.

– Теперь ты убедишься, кто из нас сильнее!

Он занес руку, но опустить не успел.

На этот раз Тёмный Охотник не подвел. Черная тень беззвучно выросла за спиной ученика Миклоша. Тот успел обернуться, с его ладони сорвалась белесая дымка, но пролетела сквозь потустороннюю сущность, не причинив ей вреда. Аксель с криком шарахнулся назад, и в этот миг тварь упала на тхорнисха, поглотила его и растаяла. На тропинке не осталось ни капли крови, ни обрывка одежды.

Кристоф потерял регенерирующую ладонь, несколько секунд прислушивался, но атака не повторилась. Видимо, нападавший был один. Некромант оглянулся, ища взглядом Флору. Он ожидал увидеть испуг на ее лице. Но даханаварская леди, медленно идущая к нему по тропинке, светилась восторгом. Она остановилась на том месте, где «исчез» тхорнисх. Присела, коснулась ладонью утоптанного снега и посмотрела на кадаверциана светящимися от восхищения глазами.

– Это был Тёмный Охотник?

– Да, – без особого воодушевления ответил некромант.

– Существо из потустороннего мира, – благоговейным шепотом произнесла Флора. – Я слышала, ими могу управлять только самые могущественные колдуны.

«Но это вряд ли спасет меня на следующем Совете», – подумал Кристоф, а вслух произнес:

– Похоже, у меня появилась возможность сделать вашу скучную жизнь еще веселее. Убийство тхорнисха – великолепный повод для скандала.

– Убийство? – Леди грациозно поднялась и в притворном недоумении нахмурила брови. – О каком убийстве вы говорите?

Кристоф улыбнулся, глядя на ее очаровательное лицо, светящееся теперь лукавым задором.

– Флора, уверяю вас, исчезновение одного из Золотых Ос, не останется незамеченным.

– Думаю, да, – она подошла ближе к колдуну, стряхнула снег с плаща. – Его друзья должны знать, куда он отправился сегодня. Или догадываться. Его пропажу наверняка свяжут с вашим именем. Но если я скажу, что всю сегодняшнюю ночь вы провели со мной...

Кадаверциан посмотрел на нее и снова почувствовал озноб, пробежавший по спине. Флора не использовала магию, но ее голос и глаза были наполнены волшебством, противиться которому оказалось невозможно.

– Сначала мы гуляли в парке, затем поехали ко мне в замок праздновать самую длинную ночь в году и пить пунш... или кровь тех, кто пил пунш. – Она тихо рассмеялась, снова взяв его под руку. – Неужели вы полагаете, Кристоф, что Совет не поверит Третьей Старейшине Даханавар?

– Полагаю, поверит, – улыбнулся он.

– Тогда идемте. Сегодня у меня собираются друзья, и мне не терпится похвастаться знакомством с вами.

Он хотел с удовольствием принять ее предложение, но вместо этого сказал:

– Чем же я заслужил такую трогательную заботу, леди? Вы, как сами признались, видите меня впервые. И уже готовы рисковать своим честным даханаварским именем?

Флора внимательно, изучающе посмотрела на него:

– Вы никому не доверяете, не так ли, Кристоф?

– Доверяю. Ему. – Кадаверциан кивнул на тропинку, где возник из пустоты и также исчез Охотник. – Но, кроме того, я не привык в трудных ситуациях прятаться за юбку женщины.

На гладком лбу Флоры появилась едва заметная морщинка.

– А если мы забудем на минутку о том, что я женщина?

– Сделать это будет довольно трудно. Тем более вы – даханавар.

– Ах, вот в чем дело? – она все еще улыбалась, но голос зазвучал холодно. – Вы не любите мой клан?

– Я не люблю, когда мной манипулируют.

Флора растерянно рассмеялась:

– С чего вы взяли, будто я делаю это?

– Что вы хотите получить в обмен на помощь? – ответил он вопросом на вопрос, продолжая любоваться ее совершенным лицом.

– Ничего! – воскликнула леди.

– Вот видите. А мне была бы больше по вкусу честная сделка, чем перспектива попасть в ваши должники и ожидать, когда вы потребуете оплаты счета.

Она хотела возмутиться, возразить, но колдун помешал ей, добавив:

– Деликатный шантаж меня также не устраивает.

Теперь глаза Флоры сверкали от бешенства. И в гневе ее лицо было не менее прекрасно.

– Вы слишком долго пробыли в Англии, сударь. И, по всей видимости, общались исключительно с вьесчи.

Кристоф молча склонил голову в учтивом поклоне.

– Великолепно. – Леди смерила его уничтожающим взглядом. – Прекрасно. Тогда выпутывайтесь сами, как знаете, господин некромант.

Она гордо отвернулась и пошла прочь, бросив на прощание:

– Можете не беспокоиться. Провожать меня не нужно.

«Болван, – сказал Кристоф сам себе, глядя вслед женской фигуре, стройность которой не мог скрыть даже тяжелый меховой плащ. – Теперь иди и развлекайся в обществе бетайласов. Они – самая подходящая компания для тебя. Эту женщину ты больше не увидишь».

Но кадаверциан ошибся. Флору он увидел. И очень скоро. На балу, посвященном зимнему празднику. Леди была весела, очаровательна и не вспомнила о недавней размолвке. Видимо, решила простить неотесанному некроманту его неделикатность.

Исчезновение Акселя Тхорнисха так и осталось загадкой для остальных кровных братьев...

Кристоф заставил себя очнуться от воспоминаний и вернуться в реальность. В лаборатории было тихо. Вивиан неподвижно лежал в резервуаре, прижимаясь лбом к стеклу. Дарэл вдруг судорожно вдохнул и сел в кресле. У Кристофа создалось впечатление, что он резко отключается от воспоминаний Вивиана, буквально выдирая себя из памяти кадаверциана.

– Дарэл, что случилось? – Колдун, поднявшись, подошел к сканэру. – Дарэл?..

– Увидел себя, – выговорил телепат с трудом. В его глазах все еще плавал туман прошлого. – Вивиан видит меня в то время, как я читаю его мысли, я – знаю, что он думает обо мне... Моя личность будто раздвоилась. И одна половина смотрит чужими глазами на вторую из другого тела.

– Тебе надо поесть.

Колдун принес кубок с кровью, подал даханавару, потом придвинул свое кресло. Сел. Он старался не торопить Дарэла, но от нетерпения принялся барабанить пальцами по подлокотнику и подался вперед.

– Хорошо, что у него короткая жизнь, – сказал даханавар окрепшим голосом, поставив на пол пустой кубок, – иначе мне пришлось бы просидеть здесь несколько лет. Поэтому не могу обещать полное сканирование твоей сущности. Сколько там тебе веков?

Колдун рассмеялся, но Вивиан беспокойно пошевелился, и он тут же оборвал смех, с тревогой глянув на ученика.

– Мне надо передохнуть, Крис. Хотя бы полчаса.

– Да. Конечно.

– Я видел Флору. Леди выпрашивала у тебя заклинание «Тёмного Охотника».

Кристоф дернулся внутренне, и, конечно, Дарэл почувствовал его боль. Острую, яркую, засевшую в душе, почти сросшуюся с ней. Но внешне кадаверциан остался спокоен, почти равнодушен.

– Она была очень настойчива.

– Я уже представил.

Кристоф поднялся, прошелся по комнате, добавил в «ихор» еще немного укрепляющего состава. Хотел спросить про Вивиана, но его мысли, по-прежнему, оставались заняты Флорой.

– Я не мог дать ей Тёмного Охотника. Он бы убил ее. Эта магия только для кадаверциан.

– Не надо оправдываться. Я знаю.

– Не знаешь! – Он с размаху стукнул себя кулаком по ладони. – Я мог попытаться научить ее заклинанию вызова. Если бы она умела... то не погибла бы.

– Ты не виноват.

– А если бы ты мог читать ее мысли, то узнал, что она задумала убить Фелицию и занять место Первой Старейшины... Мы оба виноваты в ее смерти.

Дарэл знал, что кадаверциан, действительно, так думает. Живет с постоянным сознанием своей вины и не ищет оправданий.

– Помнишь Витдикту? Эту воронку... Когда я проводил ритуал, то все время думал о том, что увижу среди этих мертвых голодных теней *ее* тень.

В глазах Дарэла отразилось тень боли, которую испытывал некромант, и Кристоф провел ладонями по лицу, словно умываясь, загоняя свою тоску поглубже от его сканэрского внимания...

Кадаверциан не стал продолжать этот мучительный для обоих разговор. Спустя десять минут Даханавар снова опустился в кресло, закрыл глаза и погрузился в прошлое Вивиана.

«А ведь я знаю, когда все началось, – думал колдун, глядя на спящего ученика. – Когда Флора впервые почувствовала недоверие к Первой Леди. Как жаль, что тогда я сразу этого не понял».

Глава 11

Восточный экспресс

Когда мужчина делает именно то, чего ждет от него женщина, он не много выигрывает в ее глазах.

Всегда нужно совершать поступки, которых женщина не может ожидать, и говорить то, чего она не в силах понять.¹⁸

Вена, 1889 год

– У меня есть для тебя небольшое поручение, – Вольфгер щипцами достал из камина уголек и прикурил от него папиросу. – Фелиция просила кого-нибудь из кадаверциан сопроводить одну из старейшин даханавар до Бухареста.

– Одна из старейшин, надо полагать, Флора. – Без труда расшифровал туманное заявление мэтра Кристоф. – А кто-нибудь из кадаверциан – я.

– Ты никогда не ездил на «Восточном экспрессе»? – усмехнулся тот сквозь облако ароматного дыма.

– Нет. И ты знаешь об этом.

– Значит, у тебя появилась прекрасная возможность расширить свой кругозор. – Вольфгер достал из кармана два билета и небрежно бросил их на журнальный столик. – Купе первого класса. Ты довезешь леди до места и проследишь, чтобы с ней ничего не случилось.

– Зачем Флоре понадобилось сопровождение?

Мэтр подошел к окну и захлопнул ставни – шум ночной Вены не смолкал ни на минуту. Потом опустился в кресло и поднял взгляд к потолку:

– Могу назвать тебе несколько причин. Первая – Фелиция пытается укрепить связи между нашими кланами. Вторая – Флора отправляется в Бухарест по делу, касающемуся человеческой политики. Мне бы хотелось, чтобы ее миссия прошла удачно, поскольку это будет выгодно для кадаверциан. И, наконец, третья – красивая женщина не хочет скучать в дороге одна. Какой из этих доводов устраивает тебя больше?

– Второй, – с улыбкой ответил Кристоф.

Вольфгер сделал неопределенный жест кистью, который можно было понять и как «ты безнадежен, друг мой» и как «восхищаюсь твоей прозорливостью».

Синие с золотом вагоны «Восточного экспресса» напоминали дорогие игрушки, только что вынутые из подарочной коробки. Такие же чистые и блестящие. В окнах золотился теплый свет, и мелькали человеческие силуэты.

Творение Жоржа Нагельмаккера и Джорджа Пульмана было готово отправиться в путь.

Элегантная публика неторопливо прогуливалась по перрону, садилась в роскошный поезд и покупала букетики душистых фиалок – цветов модных в этом сезоне – чтобы, спустя несколько минут, забыть их на скамейках. На мгновение Кристофу показалось, что запахи вокзала заглушают ароматы дорогих духов и сигар, плывущие в летнем воздухе. Слышались звуки вальса, которые постоянно преследовали кадаверциана уже несколько недель пребывания в Вене.

¹⁸ Оскар Уайльд. Как важно быть серьезным.

Флора появилась на вокзале за десять минут до отправления поезда в сопровождении носильщика, обливающегося потом под тяжестью багажа леди, и молодого человека в отлично сшитом дорожном костюме. Он смерил некроманта высокомерно-раздраженным взглядом ревнивого собственника, опасаящегося, что вокруг полно желающих завладеть его женщиной. В этом была доля истины.

– Добрый вечер, господин Кристоф, – сказала Флора, пленительно улыбаясь и протягивая кадаверциану руку для поцелуя. – Познакомься, это герр Густав... Мой друг. Густав – Кристоф де Альбьер. Мой...

– ...родственник, – сказал некромант с не менее приятной улыбкой.

– Очень дальний, – тут же поспешила пояснить Флора, послав колдуну убийственный взгляд.

– Не такой уж и дальний, – снова вмешался он, с трудом придерживаясь серьезного тона. – Двоюродный брат. По отцу.

Человек, несколько удивленный столь дотошным выяснением родственных отношений, слегка поклонился Кристофу, прикоснувшись к шляпе:

– Очень рад.

И повернулся к Флоре:

– Поторопись, иначе поезд отправится без нас, дорогая.

– Да, конечно, – пропела леди. – Будь добр, заплати носильщику.

Она поднялась в вагон и в сопровождении почтительного стюарда направилась в купе. Кристоф пошел следом.

– Что за чушь ты нес? – гневно спросила Флора, изящно повернув голову в его сторону. – Какой двоюродный брат?

– А ты рассчитывала всю дорогу наблюдать, как мы ревниво рычим друг на друга? К сожалению, такого удовольствия я тебе доставить не могу, – ответил кадаверциан и, не сдержавшись, наклонился к ее уху и прошептал, – дорогая.

Флора, насмешливо фыркнув, скрылась в купе.

Кристоф подождал, пока за леди закроется дверь, и вошел в свою гостиную. В этом роскошном помещении стены были отделаны панелями из красного дерева. Диван манил уютными кожаными обьятьями, бронзовая лампа на изящном столике светила под золотистым абажуром, рядом стояло блюдо с фруктами и бутылка шампанского. На полках, над шкафчиком с инкрустированными дверцами, выстроились книги в бордовых переплетах. К книжному стеллажу было придвинуто кресло с гнутыми ножками. Окно оказалось закрыто металлическим щитом и бархатными занавесками.

За зеркальной дверцей обнаружилась ванная комната, сверкающая золотом и хрусталем. Из соседнего купе послышался нежно-властный голос Флоры, в ответ звучали почтительные реплики стюарда и фразы ее человеческого друга.

– Эти цветы надо вынести. От их запаха у меня болит голова. Замените шторы. Они слишком мрачные.

– Мадам, все будет исполнено немедленно.

– И уберите вон те вульгарные флаконы с полки.

– Но дорогая, это же работа Рене Лалика.

– Мне безразлично, чья это работа. Они меня раздражают.

Улыбаясь, Кристоф вышел из ванной и плотно прикрыл за собой дверь.

Через час после отправления поезда в купе колдуна постучали. На пороге стоял Густав, и на этот раз он смотрел на кадаверциана гораздо дружелюбнее. Легенда о родственнике явно успокоила его.

– Господин Кристоф, извините, что побеспокоил. Ваша кузина интересуется, не хотите ли вы поужинать с нами? Ну и я лично был бы рад, если бы вы присоединились к нам.

– Благодарю за приглашение, – ответил некромант. – Я подойду чуть позже.

Друг Флоры удалился, а Кристоф достал флягу, вокруг которой светилась едва заметная дымка заклинания, позволяющая сохранять кровь свежей, и отвинтил колпачок. На ужин следовало идти, предварительно подкрепившись.

Все места в трех вагонах-ресторанах были заняты. Разодетая публика оживленно болтала, рассматривала наряды соседей, пила и закусывала. Кристоф узнал нескольких известных актрис, пару политиков, клиентов вьесчи и просто очень богатых людей, по человеческим меркам, естественно. Шустро сновали расторопные официанты в смокингах.

Флора сидела в центре зала, затмевая красотой и блеском драгоценностей всех присутствующих дам. Взгляды мужчин притягивались к ней, словно намагниченные. Густав раздувался от гордости и чувства собственной значимости. Леди оживленно щебетала о чем-то, время от времени поднося к губам бокал с белым вином. Увидев Кристофа, она улыбнулась:

– А вот и мой дорогой братец. Присаживайся. Густав как раз рассказывал мне совершенно невероятную историю. О строительстве Суэцкого канала.

– Что же в ней невероятного, дорогая? – снисходительно улыбнулся человек. – Это вполне реальный проект. Долгосрочный, но выполнимый.

– Насчет его долгосрочности полностью с вами согласен. – Кристоф взял меню, протянутое официантом, и стал бегло его просматривать. – Этот канал начали строить еще во времена Двенадцатой династии. Фараон Сенусерт III приказал прорыть траншею, соединяющую Нил с Красным морем для торговли с Пунтом. А достроен он был только в пятисотом году до нашей эры Дарием I, персидским покорителем Египта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.